ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО
ПАВЕЛ БАРУТКИН
18+

Павел Баруткин

Гость из прошлого

«Автор»
2026

Баруткин П. А.

Гость из прошлого / П. А. Баруткин — «Автор», 2026

Появление в далёком будущем героя Революции и Гражданской войны — большевика Степана Зорина неожиданным образом влияет на судьбу единого коммунистического человечества. Герою предстоит столкнуться в бескомпромиссном мировоззренческом противостоянии со своим старым врагом — белогвардейским графом, воплощающим в себе всю мощь тёмного наследия нашей животной природы. Космические цивилизации, причастные к их появлению в этом мире, пристально наблюдают за этим противостоянием, готовясь принять судьбоносное решение. От того, одолеет ли Степан Зорин этого призрака далёкого прошлого, зависит не только его жизнь, но и дальнейшие пути человечества.

© Баруткин П. А., 2026
© Автор, 2026

Павел Баруткин
Гость из прошлого

От автора

Эта книга, завершает, задуманное мной, описание будущего и представляет собой вольную фантазию на тему – что будет, если соединить общество этого развитого человечества с человеком из далекого прошлого. Да простит меня читатель за пресловутое «попаданчество», но, не введя в мир человечества тридцатого тысячелетия нашей эры революционера из конца19-ого - начала 20-ого века, выполнить эту задачу бы не получилось. Дуальное противопоставление требовалось, чтобы одновременно подсветить лучшее и худшее в людях, показав как это лучшее позволило человечеству прийти к описанному будущему и каким путем удалось преодолеть в обществе это худшее. Соответственно, подсвечиваемые качества всецело выражены в личности русского революционера Степана Зорина и белогвардейца графа Алексея Головина, выступающих непримиримыми мировоззренческими противниками.

Основная часть действия происходит на Земле – в прошлом и будущем, вновь затрагивая и те районы Южного Урала, что хорошо мне знакомы и многократно исхожены вдоль-поперёк. Воспоминания о событиях Гражданской войны и по сию пору живы в тех местах, а внимательный наблюдатель найдёт множество свидетельств разыгрывавшегося среди гор и лесов исторического противостояния. Все действующие лица книги, за исключением упоминаемых там исторических персонажей, вымышлены и какие-либо совпадения с реальными людьми носят случайный характер. Историческая часть повествования опирается также на научные публикации и нарративные источники, главным из которых можно назвать книгу «Рейд Блюхера» авторства Ивана Недолина, как раз описывающую некоторые события, к которым условно привязана жизнь вымышленных персонажей этой книги. Суждения этих персонажей носят оценочный характер, проистекают из контекста повествования и той роли, которую они в нём играют.

Не следует искать в этой книге борьбу со стрельбой, погонями и драками, так как описанное противостояние двух столь непохожих личностей носит глобальный мировоззренческий характер. В такой форме борьба предстает как главная движущая сила истории, а сам сюжет позволяет не только ещё больше расширить картину описываемого мира, но и внести в него дополнительную направленность, показав живую связь между прошлым, настоящим и будущим.

Посвящается героям трёх первых русских революций, не жалевшим себя в борьбе за лучшее будущее для всего человечества

«Данные записи сделаны товарищем Зориным перед его уходом из Единого Сознания человечества и каталогизированы в рамках программы сохранения индивидуального жизненного опыта для архива особого хранения вертикального отдела ИОП по Сфере Обитания Субземля-1 (центральный)».

Революционер

Я, русский революционер Степан Никифорович Зорин, родившийся в 1872 году в городе Пензе Российской империи, пишу эти строки сейчас в 911 году от Победы Мировой Революции, то есть через одну тысячу и ещё почти сто лет после своего рождения. Эта странная

раздвоенность, слишком невероятная для одной отдельной человеческой жизни, преследует меня ежедневно. Иногда реальностью кажутся только мои первые сорок восемь лет, прошедшие в революционной борьбе, ссылках, на каторге и бесконечных странствиях по городам и весям многострадальной Родины, а всё последующее предстает ослепительным сном и буйством неуёмной фантазии о светлом будущем единого небесного человечества. Иногда же всё бывает наоборот, и прежняя жизнь кажется чем-то неимоверно далёким и словно бы произошедшим не со мной, так как не идёт ни в какое сравнение с нынешними трудами сорока миллиардов коммунаров нашей солнечной системы, готовящими масштабную колонизацию миров звезды Эсперанса в чрезвычайно отдаленных областях галактики.

Эти записки сделаны в первую очередь для себя с целью упорядочить мысли наиболее привычным мне эпистолярным способом, последовательно изложив удивительные события своей аномальной жизни. Находясь сейчас вдали от всего прежде столь знакомого и дорогого, я, тем не менее счастлив, но иногда, оставаясь наедине с собою, испытываю странное чувство, словно жизнь мою прожили два совершенно разных человека, объединенных лишь идеей верного служения делу коммунизма.

Ранняя жизнь моя ничем не предвещала столь удивительную судьбу и повторила пути многих других моих замечательных товарищей, позднее отдавших все свои силы ради светлого будущего человечества. Я родился в семье служащего и с самых ранних лет имел возможность воочию наблюдать бедственное положение неимущих классов, каковое быстро привело к пониманию необходимости борьбы за улучшение положения бесправного и забитого народа. Отец мой имел знакомство со многими представителями городской интеллигенции, среди коих встречались инженеры, врачи, адвокаты, учителя и чиновники средней руки. В нашем скромном доме частенько бывали и представители народовольцев, своими увлеченными рассказами пробудившие во мне мятежный дух и заложившие в уме революционные настроения. Окончив Пензенское реальное училище, я сумел поступить в Петербургский технологический институт на механическое отделение, где и обучался на полупансионате, зарабатывая на жизнь частными уроками. Дядя одного из моих учеников оказался большим любителем английского бокса и привлек меня к совместным занятиям, крайне пригодившимся мне впоследствии. В нашем институте большое внимание уделялось физическому развитию юношей, для чего проводились специальные гимнастические занятия, кои я никогда не пропускал, справедливо полагая крепкое телесное здоровье необходимым условием успешной деятельности революционера. Многие мои товарищи тогда увлекались гимнастикой Сокольского, а также системами Лесгафта и Мюллера. Две последние прекрасно дополняли мои занятия боксом, способствуя укреплению здоровья и повышению общей выносливости.

Учась ещё только на первом курсе, я познакомился с марксизмом и окончательно порвал с народничеством, начав посещать совместно с несколькими своими товарищами марксистский кружок, где прежде всего мы штудировали «Капитал». В те времена достать эту гениальную книгу было отнюдь не просто, и единственный доступный нам экземпляр пришлось буквально переписывать в тетради от руки, дабы затем долгими вечерами напрягать все свои мыслительные способности, стремясь постичь сложную диалектическую логику великого учителя человечества. Однако, я был здоров, кропотлив и настойчив, а потому всё-таки сумел довольно сносно овладеть диалектическим методом мышления Карла Маркса, применённым им к наиболее важной на то время области критики политической экономии капитализма, активно развивавшегося в России. Несомненно, Маркс мог бы применить свой единственно-научный метод мышления к любой области человеческих знаний, но он справедливо полагал освобождение человечества первейшей задачей и потому бросил все свои силы на её решение, не пожалев ради этого своего драгоценного здоровья, да и самой жизни.

В наших кругах я слыл крепко образованным и надежным товарищем, что открыло мне путь в недавно сформированный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», где дово-

дилось встречаться и осуществлять совместную деятельность с подлинно выдающимися революционерами и даже несколько раз лично пообщаться с самим великим Лениным, тогда ещё известным нам под партийным псевдонимом Старик. Мы вели пропагандистскую деятельность в фабричных мастерских, отдаваясь этому делу со всей юношеской горячностью и пламенным энтузиазмом, но длилось это недолго. В скором времени власть жестко пресекла деятельность нашей организации, взявшись сначала за её руководителей. После первой волны арестов, я хотя и был изгнан из института, но ещё некоторое время оставался на свободе. Однако потом провокаторы выдали и меня, после чего Степан Никифорович Зорин из студента превратился сначала в арестанта, проведшего несколько месяцев в петербургской тюрьме, а потом и в ссыльного, отправленного по этапу в далёкий Верхоленск. После долгого пути, где довелось хлебнуть всяческого арестантского лиха, я попал в Иркутскую пересыльную тюрьму, где просидел несколько томительных недель, пока губернское начальство определяло мою дальнейшую судьбу. По счастью, в то время как раз шло строительство Транссибирской магистрали, на котором ощущалась острая нехватка технических специалистов. Там-то и пригодилось моё неоконченное образование инженера-технолога, давшее возможность не просто прозябать в ссылке, а работать в Службе тяги, пользуясь при этом относительной свободой перемещений. По правилам отсутствие диплома не позволяло попасть брать ссыльного на инженерную должность, потому я и оказался помощником машиниста, что было мне только на руку.

Тщательно изучив обстановку, я скоро бежал, но не на запад, где беглеца легче было бы обнаружить, а ещё дальше на восток. Добравшись до Кяхты, я с надёжным товарищем присоединился к торговому каравану, двигавшемуся через дикие просторы Монголии в Пекин и далее в Ханькоу за грузом прессованного чая. План наш состоял в том, чтобы добраться до открытых китайских портов, где через знакомых моему товарищу купцов справить новые документы и выехать в Европу вместе с английскими чаеторговцами. Некоторое время мы проработали в торговой конторе, а затем мой товарищ отправился в Шанхай, чтобы подготовить всё к нашему отъезду.

Однако случилось так, что совершенно случайно увидал состязания китайских боксеров, и это полностью поменяло мои изначальные планы. Китайский бокс, называемый там гунфу, казался похожим на удивительный самобытный танец, включающий в себя такие виды движений, какие казались немыслимы для боя. Бойцы сходились один на один, стоя на высоком помосте, и бились, пока один не мог уже более продолжать поединок или не оказывался скинутым наземь. Немногие европейцы, среди которых преобладали чаеторговцы, наблюдали это редкое зрелище с присущим им высокомерием, почитая происходящее чем-то вроде циркового представления. Мне же, воспитанному в духе народовольчества, ушу показалось удивительным искусством китайского народа, с каковым захотелось познакомиться поближе.

Через китайского переводчика мне удалось найти одного из местных бойцов, слывшего большим мастером, но вот уговорить его побоксировать со мной оказалось куда труднее. Пришлось заплатить китайцу из своего скромного жалования, полученного в уплату за различные работы по чайному каравану. Биться мы пошли глубокой ночью на окраину местных хутунов, где в то время не было ни души, а единственным освещением обширного пустыря на берегу одной из многочисленных рек Ханькоу была полная луна зловеще красноватого оттенка. Однако только лишь мы собрались биться, как появился ещё один человек в монашеской одежде, что-то сказавший моему сопернику на китайском. После этих слов мой соперник и все сопровождавшие его поспешили удалиться, оставив меня наедине с неизвестным монахом, который жестом предложил биться с ним.

Я никогда не забуду этот первый поединок, казалось, пошатнувший самые основы моего тогдашнего понимания мира. Китаец двигался подчеркнуто медленно и плавно, но каждая из моих стремительных атак, словно бы тонула в воде, не нанося ему никакого ущерба, после чего он неуловимым движением возвращал всю мою силу обратно, заставляя меня отлетать

или падать наземь. Монах смеялся и призывал атаковать ещё и ещё, но всякий раз результат был тем же. Скорость, сила и точность оказались совершенно бесполезны против невиданного искусства, многократно превосходящего всё виденное мною днём на помосте городской площади. Наш бой, который вряд ли можно было так назвать, закончился внезапным исчезновением соперника, который словно растворился в воздухе, пропустив мимо себя мою очередную серию стремительных и весьма точно нацеленных ударов. Потом я долго ошалело озирался по сторонам, силясь понять, куда делся китаец, но вокруг никого не было. Луна в ту ночь светила ярко, а пустырь был достаточно велик, так что было совершенно непонятно каким образом он мог покинуть это место незамеченным.

В глубоких размышлениях я возвращался в нашу фанзу, ощущая себя не столь униженным, сколь лишенным какой-либо ценности. На следующий же день меня свалила неизвестная болезнь. Врач, португалец с постоялого двора, не смог определить её причину, да и на лечение у меня не было денег. С тех пор каждую ночь меня одолевали удушливые кошмары, после коих я просыпался в холодном поту и весь день валялся с сильнейшим жаром и тупой ноющей болью, перемещающейся по разным частям тела. К тому времени вопрос новых документов уже почти разрешился, и мне следовало покинуть Ханькоу, дабы затем в Шанхае сесть на английский пароход, но я совершенно не мог двигаться. Слабеющей рукой я написал письмо своему товарищу, передав его через знакомого португальца, также отъезжавшего в Шанхай. В письме я ничего не сказал про болезнь, объяснив своё желание остаться внезапно возникшим интересом к китайской культуре в целом и к гунфу в частности. Ещё целую неделю я валялся, никому не нужный и слабеющий день ото дня, пока за мной не пришел тот же китаец, с которым я бился в ту памятную ночь.

Через переводчика он объяснил мне, что болезнь моя неизлечима обычными средствами и если я не хочу преждевременно умереть, то должен последовать за ним, но четко понимая, что жизнь моя после этого уже не будет прежней. Телесная слабость и измученный разум не давали мне уже иной возможности, кроме как согласиться на лечение у неизвестного местного врача. После этого монахи погрузили меня на повозку, прикрыв от любопытных глаз тюками с каким-то тряпьем, и отправились в путь, оказавшийся хоть и не столь долгим, но крайне мучительным. В болезненном жаре и беспамятстве я не запомнил подробностей этого пути, а очнулся уже совершенно исцеленным и вполне бодрым на деревянной тахте в небольшой комнатушке без какого-либо убранства, с маленьким окошком, прикрытым лишь плетеной циновкой. Моим новым пристанищем стал маленький даосский монастырь в лесистых горах Удана, называемых Уданшан, где я и провел самые спокойные и умиротворенные годы своей жизни. Нас было семеро и восьмым был отец-настоятель мастер Ян, называемый всеми просто Учитель, или по-китайски — Шифу. Никто не знал точного возраста Учителя, но собратья по школе говорили, что ему уже больше двухсот лет, и чем дольше я там жил, тем всё более вероятным это мне казалось.

Когда я уже более-менее сносно заговорил на китайском, мне объяснили, что моя болезнь являлась своего рода инициацией или испытанием, а моё появление Учитель предвидел заранее, вычислив его при помощи даосской мантики. Жизнь в этом монастыре текла спокойно и размеренно, начинаясь и заканчиваясь общими тренировками по тайцзицюань – старинной китайской гимнастике, имеющей, однако, и вполне прикладное применение.

Овладение этими медленными, мало на что похожими движениями требовало полнейшей осознанности, и тут мне крайне пригодился опыт занятий гимнастикой по системе Лесгафта, выработавший весьма полезные для этого качества. Прежде всего я находил в тайцзицюань удивительный метод, позволяющий в совершенстве постичь всю сложную биомеханику человеческого тела и превратить любое движение в подлинное искусство. Моё инженерное образование позволило увидеть в нём систему, рассматривающую человека как единый механизм, любые действия которого строго центрированы и увязаны в одну кинетическую

цепь, повышающую КПД движения за счёт последовательной передачи усилия и правильно выстроенной геометрической структуры. Помимо исключения хаотичных, энергозатратных движений отдельными «приводами», этот метод давал абсолютный сознательный контроль над собой, достигаемый пристальным вниманием к своему телу.

Человек будущего должен будет обладать совершенной культурой тела, не просто дающей ему здоровье, но и позволяющей силою своего могучего разума управлять собой с точностью и эффективностью безупречно отлаженной машины. Именно понимание того, какую огромную пользу такие знания могут принести делу грядущей революции и свободному человечеству будущей эпохи, удерживало меня в горном монастыре столь долгое время, заставляя учиться и запоминать всё происходящее вокруг. Я изучал тайцзицюань с вдохновенным упорством инженера-исследователя, стремясь понять сложнейшую механику движений, воспитывая дисциплину внимания, решительно отбрасывая всё сопутствующее религиозное мракобесие и всяческий идеалистический вздор.

Всё свободное от бытовых занятий время мы тренировались, постигая это древнее искусство, которому в привычном мне мире не существовало никаких аналогов, позволяющих дать ему исчерпывающее название. Лишь к концу первого года жизни в монастыре я узнал, что занятия тайцзицюань являются начальной опорой для даосского гунфу, включающего в себя методы нейгун, то есть внутренней работы, призванной совершить глубокую и полную трансформацию занимающегося. Первое время мой рациональный ум попросту разрывало от ощущения глубокой пропасти между привычным, единственно научным диалектико-материалистическим мировоззрением и всем теми возможностями, которые наглядно демонстрировал наш Шифу, объясняя их с сугубо идеалистических позиций даосской религиозной или даже скорее шаманской философии.

Лишь много позже ко мне пришло понимание, что разрыв этот -всего лишь иллюзия, вызванная различным способом мирооописания. Древние китайцы естественным образом не могли иметь научного метода, так как тогдашние объективные знания о мире были ещё очень скудны и почти никогда не выходили за рамки практического опыта, непосредственно применимого в хозяйственной и бытовой деятельности. Единственным способом описать сложные и глобальные процессы был для них язык понятных и привычных аналогий, а единственным источником самопознания мог послужить только собственный чувственный опыт. Конечно, он носил крайне субъективный характер, но, ставя перед собой задачу по самосовершенствованию, практикующие его люди могли опираться только на себя, стремясь извлечь из субъективного чувственного опыта максимум практической пользы. Язык писаний древних даосов отличался от всего привычного мне, но он ни в коей мере не противоречил материалистической диалектике. Всё, чему я научился в те годы, четко ложилось в канву научного диалектического метода, но раскрывало такие глубины познания, до которых остальному человечеству ещё только предстояло дойти.

Силой и слабостью древних даосов была возможность опираться в практике сугубо на индивидуальные ощущения, правильность которых могла быть проверена только опытным мастером, уже прошедшим этот путь. Без мастера и даваемых им внутренних ключей адепт оказывался обречён на ошибки и скатывался в субъективные ощущения, истинность коих никак не мог проверить. Однако за многие века экспериментирования над собой, даосские мастера сумели создать определенную систему внутреннего саморазвития, порою достигая воистину потрясающих результатов. Конечно, эта традиция шла бок о бок с идеалистическим мракобесием, религиозными представлениями и чрезвычайно зыбкой мифологической картиной мира, где любое практическое знание приобретало форму трудночитаемых образов и привычных ассоциаций, понятных только китайцу, выросшему в соответствующей культурной среде.

Вся эта традиция, достигшая своего максимального расцвета всего-то пару веков назад, попросту обречена была в скором времени исчезнуть, столкнувшись с европейской капиталистической культурой в её развитой империалистической стадии. Наш Учитель и его собратья по школе Сокровенных врат прозревали эту неизбежность и стремились запечатать имеющееся знание, передав ключи тем, кто сможет сохранить его до поры. Вероятно, именно по этой причине я - ссыльный революционер Степан Никифорович Зорин и оказался в горно-лесистой глуши Уданшана, даже сам до конца не понимая цепочки причин и следствий, приведших меня туда. Шифу Ян проводил со мною не так много времени, лишь изредка присутствуя на утренних или вечерних тренировках по тайцзицюань, обычно проводимых его старшими учениками. Иногда он приглашал меня к себе и подолгу разъяснял значение символов и знаков Книги Перемен — «И Цзин». Эти наши встречи осложнялись используемым Учителем вэньяном, который мне пришлось частично изучить, дабы понимать хоть что-то из излагаемого. Впрочем, в основном приходилось полагаться на свою отличную память в надежде, что в будущем настанут более спокойные времена и можно будет разобрать всю эту древнюю вымирающую традицию, привлекая к этому достойных специалистов.

Тогда я даже не предполагал, как закрутит меня жизнь по возвращении в Россию, а грядущая революция казалась делом туманным и отдалённым настолько, что увидят её лишь следующие поколения борцов. Иногда Шифу Ян пророчествовал, предупреждая меня о скорой войне и о том, как его вычисления по Книге Перемен предрекают мне быть на ней командиром. Это казалось странным, так как я никогда не имел отношения к армии или флоту, будучи инженером-технологом безо всякой склонности к участию в какой-либо бессмысленной бойне. Ещё более странными казались утверждения Учителя о моей великой судьбе и миссии передать знание людям иного мира перед тем, как придется сделать выбор, отказавшись от второй жизни и уйти из этого мира туда, где растворяется даже память. Я не придавал особого значения сим странным пророчествам, наслаждаясь покоем горной обители и прикладывая все усилия к овладению языком и занятиям тайцзицюань вместо с остальной монашеской братией. То же, о чем говорил Шифу, совсем уж расходилось с моими представлениями о реальности, и я лишь уважительно запоминал всё на будущее, даже не представляя, насколько полезным потом окажется это знание, унаследованное от мудрейших мыслителей далекого прошлого.

Как я уже упоминал, мастер был очень стар и неоднократно говорил о своем скором неизбежном уходе в так называемые «пещерные небеса». Шифу ушел из нашего мира так же, как делали это великие даосские мастера до него. Однажды утром он попросту вошел в туман на крутом обрывистом склоне горы и не вышел из него, исчезнув безо всякого следа. Для порядка мы тщательно осмотрели обрыв и заросли кустарника внизу, но, конечно, ничего и никого не обнаружили. Учитель исчез, но перед своим уходом оставил мне словесное описание метода, который я запомнил наизусть. Со слов Шифу я знал, что надвигаются новые времена и скоро Китай станет совсем иным. Переданный мне метод исчезнет без следа, если я не сумею сохранить его и передать в другие времена, когда знание древних мастеров сможет найти для себя воистину благодатную почву. После ухода Шифу меня более ничего не держало в горах Удана, и я поспешил вернуться на Родину, по которой откровенно соскучился, хотя отчасти даже начал её забывать. Шел к концу 1903 год, и после долгих мытарств и дорожных приключений я вернулся в Россию по только что открытой Транссибирской железной дороге.

С огромным трудом добравшись до Москвы, я связался с прежними товарищами, уже почитавшими меня погибшим. Они помогли мне выправить новые документы на другое имя, после чего я вновь активно включился в революционную работу. Вступив в РСДРП и хорошо зарекомендовав себя после столь долгого отсутствия, я был отправлен партией в Иваново-Вознесенск, где и встретил свою Светлану. Она тогда только окончила Высшие женские курсы и по заданию партии должна была помочь мне легализоваться, дабы затем вести пропаганду среди рабочих и налаживать деятельность подпольной типографии. Мы почти сразу полюбили

друг друга и совместная, порою очень опасная деятельность только сильнее сблизила нас, так что уже в 1905 году мы стали законными супругами. А затем нас обоих закрутила Первая русская Революция, где я участвовал в уличных боях, а Света, рискуя собой, доставляла боевым дружинам оружие. В 1907 году меня арестовали, и два следующих года прошли в тюрьме, после которой меня ждала ссылка в далекий уральский город, где не было ничего, кроме леса и большого чугуноплавильного завода. Туда же в скором времени приехала и моя жена. Находясь под гласным надзором полиции, мы всё же смогли со временем наладить революционную работу, причем сделали это столь качественно, что никто из многочисленных соглядатаев и провокаторов не смог обнаружить и доказать нашу к ней причастность. Тогда же Света родила двойняшек — мальчика и девочку, которых мы безмерно любили, но, увы, оказались лишены счастья самим до конца воспитать своих детей и увидеть их взрослыми.

Мои институтские знания позволили мне работать на заводе, хотя и без диплома инженера-технолога, но по факту выполняя такие же функции. Часто бывая в рабочих командировках на ближайших заводах, я использовал эту возможность для установления прочных связей с большевистским подпольем, увязывавшим воедино ячейки в Златоусте, Усть-Катаве, Симе, Катав-Ивановске, Миассе и Белорецке. Столь частые разъезды не вызывали особых подозрений, тем более что с официальными обязанностями я справлялся безо всяких нареканий и заводское начальство было мною вполне довольно. Света также работала в конторе завода, чему способствовало её очень хорошее и, в отличие от меня, полностью законченное образование. Там нас и застала империалистическая война, приведшая к ужесточению заводских порядков и постепенно подвигавшая рабочих к пониманию необходимости что-то радикально поменять в нашем жестоком и несправедливом мире. Когда грянула февральская революция, наша ячейка наконец выпорхнула из подполья, начав уже открытую политическую борьбу. О, это было бурное и прекрасное время, когда мы выложились по полной, обеспечив триумфальное установление советской власти в этом небольшом городке сразу после победы Октябрьской Революции!

Увы, деятельность советов была недолгой, и уже в 18-ом году, спасаясь от восставших белочехов, нам со Светой пришлось сначала вновь уйти в подполье, перейдя на нелегальное положение. По счастью, мы успели отправить детей в Москву к родственникам моей жены, так что их жизни уже ничего напрямую не угрожало, чего нельзя сказать про нас, рисковавших каждодневно. Когда в городах начались расправы над теми, кто имел хотя бы малейшее отношение к большевикам, тогда мы с женой бежали в деревню, где были укрыты надежными товарищами. Некоторое время деревня казалась нам безопасным убежищем, но аресты и облавы не прекращались и вскоре стало понятно, что враги Революции доберутся и туда. Оставаться вместе становилось небезопасно, и мы вынуждены были на время расстаться. Свете вместе с двумя женами других большевиков удалось сложными путями выбраться с охваченного контрреволюционным террором Урала и по чужим документам добраться до её брата, живущего в Москве.

Я же с товарищами ушёл в небольшой партизанский отряд, состоявший из рабочих Катав-Ивановского цементного завода и деревенской бедноты. Когда горную часть Самаро-Златоустовской железной дороги прочно взяли под контроль белочехи Войцеховского, тогда нами было решено перейти через горы в район Тирлянского и Белорецка, где пока ещё удерживалась Советская власть. Там мы присоединились к группе товарища Блюхера, вместе с которым затем отчаянно бились с белочехами и с казаками атамана Дутова, прорываясь на территорию, подконтрольную Советам, через весь Урал и равнинную часть Башкирии.

После участия в том легендарном рейде мне предстоял ещё долгий путь дорогами Гражданской войны - сначала в составе 4-ой Уральской армии командарма Блюхера, а после ранения - в составе 7-ой кавалерийской дивизии. Вместе с красными конниками я бился в Прикаспии и оборонял Астрахань, воевал против Деникина и Врангеля на юге Украины. За всю

войну мы со Светланой повстречались только раз, когда я, в конце 1918 года, получил сабельное ранение под Кунгуром и был эвакуирован на излечение в госпиталь в глубокий тыл, где меня навестила жена, незадолго до этого отправленная партией для работы в Подмосковье. Мы оба чувствовали, что больше никогда не увидимся, а Света всё время говорила, что нашим детям суждено жить уже в другом более справедливом и прекрасном мире. Ей очень хотелось увидеть этот мир и наших детей в нём, но если ей это будет не суждено, то она желала хотя бы мне посмотреть на наших взрослых детей и, может быть, даже на внуков. Конечно, я как мог успокаивал расчувствовавшуюся жену, но где-то в глубине души ощущал её правоту.

Спустя несколько месяцев моя любимая, добрая, честная и решительная Света умерла от бушевавшей в те времена «испанки». Я узнал об этом, будучи комиссаром 7-ой кавалерийской дивизии, воевавшей с белогвардейцами на южных фронтах. Отдавая все силы этой борьбе, я дошел до степей северного Причерноморья, где осенью 1920 года поймал грудью пулю, положившую конец моей земной жизни. Это было холодным вечером, плавно перетекающим в ясную звездную ночь, когда я лежал в дорожной грязи, не в силах пошевелиться, и медленно умирал, наблюдая бескрайний небосвод и прокручивая в голове всю прожитую жизнь. Отряд ушел далеко вперёд, и только верный конь взволнованно ходил рядом, а боль постепенно уходила, заменяясь умиротворенным покоем, смешанным с чувством легкой досады от того, что я провалил наказ Шифу, не смог исполнить просьбу любимой жены и сам никогда уже не узнаю, чего же будет потом. В те минуты, казавшиеся мне последними, я ещё не знал, что конец моей земной жизни знаменует начало новой - такой какую невозможно было заранее даже вообразить.

Синар

Очнулся я в некой серебристой полупрозрачной сфере, окруженной очень высокими человекоподобными существами бледно-белого цвета. Рост этих существ примерно вдвое превышал мой, а плоские и словно бы вытянутые лица были слишком высоки, да и освещение не позволяло детально их рассмотреть. На мой естественный вопрос они ответили, не произнеся ни слова, но вместе с тем их ответ четко складывался у меня в голове как последовательность смыслов, лишенных какого-либо звучания. Эти существа оказались представителями одной немыслимо древней и чрезвычайно могущественной космической цивилизации, обычно называемой Странниками-Пустоты, блуждающими в поисках Неведомого. Их флот, состоящий из нескольких тысяч гигантских обитаемых конструкций размером с целую крупную планету каждый, бороздил просторы мирового пространства вдали от звездных скоплений. Народ Странников-Пустоты не вел привычного нам счета времени, так как срок их жизни исчислялся десятками тысячелетий, а других космических человечеств они планомерно избегали, довольствуясь лишь редкими случайными встречами с теми, кого почитали ещё недостаточно развитыми для своего уровня. Мне так и не объяснили, чего они искали в бескрайних просторах космоса, лишь указав на мою принципиальную неспособность понять это. В моем мышлении, равно как и в мышлении представителей других высокоразвитых космических человечеств, попросту ещё не существовало категорий, необходимых для понимания целей их бесконечных поисков.

Один из их разведывательных звездолетов совсем недавно залетел в нашу Солнечную систему, рассчитывая обнаружить здесь молодое человечество, вероятно ещё не достигшее всепланетного коммунизма и пребывающее в пылу бессмысленных распрей. Тот, кто забрал меня, назвался Коллекционером. Он странствовал по обитаемым мирам в поисках уникальных состояний сознания, помещаемых им в некое глобальное хранилище в форме мысленных слепков, называемое им просто «Коллекция». Не знаю, чего столь интересного он нашёл в пережитых мной состояниях, но я с готовностью согласился поделиться ими. На это мне отве-

тили, что слепки моего разума уже были сняты сразу после переноса на их звездолет и сопутствующего исцеления. На Земле, в степи, они оставили точную биологическую копию моего тела, но, разумеется, уже мертвую, а меня, полностью вылеченного, обещали переместить в Безвременье, где я и буду сохраняться вплоть до момента встречи с другим разумным человечеством, способным принять меня к себе.

Трудно объяснить, что такое Безвременье, но ощущение от пребывания там ни с чем невозможно спутать. Скажу лишь, что я словно пребывал в одном многократно зацикленном состоянии, лишенном последовательных изменений, и не испытывал при этом ни дискомфорта, ни какого-либо течения времени ровно до тех пор, пока меня оттуда не изъяли. Изъятие это произошло по случаю встречи флота Странников-Пустоты с исследовательским звездолетом человечества с планеты Синар, забравшегося в отдаленные области пространства с неизвестными мне целями. Мои спасители объяснили, что с момента их отлета с Земли прошло уже больше тысячи лет привычного мне времени, а синариане представляют собой хоть и высокоразвитое человечество, но в целом они ещё достаточно близки к землянам.

С момента моего появления на звездолете синариан можно уже начать более внятное повествование, так как о предыдущей тысяче с лишним лет сказать мне совершенно нечего. Всего за несколько месяцев их треугольный звездолет доставил меня на Синар. Практически всё это время ушло на мою адаптацию к их природной среде. То, что представители развитых человечеств осваивают, начиная с детства, оставалось совершенно мне недоступно, и готовить мой организм приходилось искусственно методом внешних воздействий. Процесс этот оказался чрезвычайно мучительным и схожим с длинной чередой тяжелых болезней, когда организм словно бы изыскивает в себе последние силы, дабы приспособиться к новым условиям. Главный врач звездолета и четыре его помощника делали всё возможное, чтобы уменьшить мои страдания, давая какие-то препараты и чутко отслеживая малейшие изменения моего состояния. Благодаря их трудам к моменту прилета на Синар я чувствовал себя вполне сносно, мог дышать воздухом с составом, несколько отличным от привычного, ну и, конечно, привык к слегка сниженной силе тяжести и очень специфическому синеватому освещению на звездолете, каковое соответствовало условиям Синара.

Кто не бывал на Синаре, вряд ли сможет вообразить, насколько же он не похож на нашу Землю. Всё здесь казалось фантасмагорическим и даже сказочным, словно воплощая самые смелые и яркие фантазии. На планете, вращающейся по сложной орбите не вокруг далекой звезды Афет, а вокруг огромного сине-голубого газового гиганта Иссана, первым делом бросался в глаза невероятный рельеф с огромными перепадами высот. В одних областях ровными рядами тянулись горные хребты с ломаными острыми пиками, в других горы образовывали ровные, как стол, высокие плато, заросшие немыслимыми вьющимися лесами, а в третьих местах такие же равнины, отделенные от первых многокилометровыми обрывами, образовывали обширные низменности с долинами, покрытыми полями и совсем другим лесом, состоящим уже из узких, вытянутых кверху деревьев.

Ещё глубже, обычно прямо под высокогорными плато, располагались гигантские подземные пустоты со своими уникальными экосистемами, где в царстве полумрака даже плескалось удивительное Пещерное Море, соединяющееся с планетарным океаном где-то глубоко под землей. Океан там не чета нашему, так как он невероятно глубок, а приливные силы столь сильны, что на скалистые берега периодически обрушиваются высочайшие сокрушительные волны, не позволяющие жить вблизи воды. Там же, в насыщенном причудливыми тенями полумраке подземных пустот, подсвеченных разноцветными кристаллическими породами стен и сводов этих гигантских пещер, находятся обители Бдящих-Знающих. Как я узнал позднее, в культуре Синара принято стремиться к постижению самой сути познаваемого, для чего наиболее преисполнившиеся знаниями синариане периодически уходят в эти тихие обители и на много лет погружаются в медитативные практики, отдалившись от буйного кипения обще-

ственной жизни с той массой различной информации, что перегружала бы их мышление на поверхности.

Впрочем, как я уже сказал, поверхность Синара очень неоднородна и включает в себя островерхие скальные хребты, ровные, как стол, высокогорные плато, глубокие речные долины, крутые обрывистые берега буйного океана, хаотическое нагромождение полярных льдов и более привычные нам горы, возносящиеся на головокружительную высоту словно уступами, отражающими природное многообразие такой высотной поясности.

Всё это освещается попеременно то ярко-белым Афетом, висящим в небе примерно четверть длинных суток и светящим подобно нашему Солнцу где-нибудь в южных пустынях. Иногда единственным источником света остается огромный голубой Иссан. Свет Иссана, висящего в небе половину суток, похож на наши земные сумерки, но с неповторимыми синевато-фиолетовыми оттенками, напоминающими тот цвет, какой возникает при работе целебной синей лампы. Иногда Иссан и Афет висят в небе вместе, а бывает и так, что в небе нет вообще ничего, кроме бесконечного количества ярчайших звезд, создающих благодаря особенностям атмосферы ощущение, будто смотришь на отражение неба на дне колодца.

Города Синара превосходят самую буйную человеческую фантазию, представляя собой сложную совокупность высоких ажурных башен, соединяемых высотными переходами, а также словно бы нарушающих все законы физики. Так, маленькая тонкая башенка может быть увенчана гигантским дворцом, из которого тянутся к небу другие, ещё более извилистые и необычные башни, а над всем этим располагается плоская поверхность висячего сада. Мне объяснили, что столь невозможная для моего ума архитектура есть результат высоких эфирных технологий, позволяющих жилым строениям словно висеть, поддерживаясь потоками свободного атмосферного эфира, создаваемыми самой их геометрией.

В одной из таких башен с длинными панорамными окнами, выходящими на ломаную линию иссиня-черных гор, меня и разместили. В верхних комнатах можно было жить, наслаждаясь потрясающими пейзажами за окном, а на нижних этажах располагались помещения, куда меня приглашали для исследований и встреч с интересующимися специалистами. В отличие от спасших меня Странников-Пустоты, синариане внешне выглядели почти как люди, разве что были несколько выше меня, а их кожа обладала едва заметным голубоватым оттенком, воспринимаемым при свете Иссана как насыщенно-синий, а при ярком дневном освещении Афета - как снежно-белый. Эти гармоничные крепкие тела, вытянутые уши, золотистые глаза и синеватая кожа создавали ощущение дополнительной загадочности и непохожести на нас, но стоило присмотреться, как становилось понятно, что передо мной такие же люди, как и мы, лишь немного отличающиеся в силу иных условий планеты Синар. Мне объяснили, что такое сходство не случайно, а является естественным свойством конвергентной эволюции, когда все разумные существа приобретают практически идентичную антропоморфную форму. В бескрайнем космосе существуют и редчайшие исключения, но они лишь подтверждают правило, что высокоразвитая коммунистическая цивилизация — это именно цивилизация людей, почти в том их виде, в каком мы к нему привыкли.

Некоторое время понадобилось синарианам на поиск специалиста, владеющего Единым Языком современной Земли, так как они не хотели слишком сильно перенапрягать мой мозг изучением ещё и синарианской версии Единого Языка. Таким человеком оказалась прекрасная Тейя Кан Латар, прежде занимавшаяся созданием условий для будущего развития жизни в молодых мирах, а теперь преподающая в Школе Сеющих Жизнь молекулярную биологию и прогностическую эволюцию. Её спутник жизни, ныне находящийся в дальней звездной экспедиции, прежде посещал Землю, хорошо изучил её и затем смог заинтересовать свою супругу языком и культурой нашего народа, потому именно она с готовностью вызвалась обучать меня. С нашего первого знакомства я был буквально поражен красотой и добрым, несравненно участливым взглядом её мудрых золотистых глаз. Она вошла в моё жилище, одетая в короткое, но

строгое бежевое платье, открывающее её стройные голубовато-синие ноги в тонких ажурных чулках и подчеркивающее форму высокой плотной груди. Улыбнувшись, она почти без акцента приветствовала меня на русском и в дальнейшем часто разъясняла сложные для понимания моменты именно на моем родном языке.

Конечно, на Синаре были и другие историки, изучавшие Землю, но по неведомым причинам именно Тейю Кан Латар связывало с моим миром нечто особенное, а её высочайший научный статус позволил ей настоять на личном общении со мной. Изучение языка Единой Земли, не столь уж сильно отличающегося от Единого Языка Синара, давалось мне довольно легко, и причиной тому были прежние успехи в овладении диалектической логикой, пронизывающей труды великого Маркса. Там я узнал, что развитие языка на определенном этапе перестает быть стихийным процессом и становится делом профессиональных лингвистов и нейропсихологов, стремящихся создать такой язык, структура которого наилучшим образом соответствовала бы глубине и точности передаваемого им смысла. Поскольку внешний мир есть объективная данность, существующая в соответствии со строгими природными законами, то и отражающий эту данность язык должен быть построен по тем же безупречным законам диалектики. Соответственно, структура такого объективного и строго научно конструируемого языка носит весьма универсальный характер, позволяя существам из разных миров, примерно сходных по уровню своего развития, понимать друг друга с минимальными затруднениями. Конечно же, языки разных космических цивилизаций отличаются меж собой, но эти отличия носят скорее культурный характер, не затрагивая саму их структурную основу, подчиненную универсальным принципам построения грамматики и синтаксиса.

Тейя обычно приходила ранним утром, и мы начинали занятия с небольшой прогулки по высокогорному саду, только потом тренируясь в построении смысловых конструкций и изучении незнакомых мне слов. Она демонстрировала много голографических изображений из истории Синара и других миров, но почти никогда не показывала Землю, считая важным оставить пространство для новизны впечатлений о родном мире, который мне скоро предстояло увидеть своими глазами. От неё я узнал лишь, что наша великая революция смогла защитить себя от белогвардейцев и интервентов, выстроила могучую Советскую Республику, победила в беспощадной мировой войне объединенных империалистов старой Европы, но в скором времени пала по причине ревизионистского перерождения партии.

Многие десятилетия реакции привели мир к новым революциям и завершились-таки всемирной, объединившей коммунистическое человечество в одно целое и наконец-то освободившей каждого человека планеты Земля от гнета эксплуатации и от тяжелого наследия его собственной животной природы. Тогда-то и началась подлинно человеческая история Земли, спустя двести лет после окончания периода Скрытого Сопротивления переименованной в Марксиду в честь великого учителя свободного земного человечества. С победы Мировой Революции прошло чуть более девяти сотен лет созидательного труда, и мне не терпелось посмотреть, каким стал наш коммунистический мир за столь долгий срок. Тейя рассказывала мне о создании человечеством гигантских Сфер Обитания возле основных планет Солнечной системы, о развитии практик самосовершенствования человека, ставших основным стержнем всей их долгой жизни, о разнообразии профессий и исследований, а также знакомила с бесконечным полетом творчества людей моего мира, всю глубину которого я пока был не в силах даже осознать.

Прослушивание песен родной Земли и чтение некоторых художественных произведений намного ускорили прогресс в изучении Единого Языка. Скоро я уже легко мог понимать его, тем более что этот язык оказался гораздо удобнее, логичнее и вместе с тем выразительнее, чем привычный мне русский. Порог сложности Единого Языка был, конечно же, очень высок, но, преодолев его, я понял всю выразительность и богатство этого инструмента общения, созданного трудом величайших умов человечества. Понимая язык Земли, называвшейся

теперь Марксидой, я стал понимать и несколько более сложный, более продвинувшийся в своем развитии, Единый Язык Синара, и тогда Тейя стала с разрешения Совета Посещений вывозить меня на всё более длительные экскурсии по её родной планете. Мы посетили Великий Северный Город, где её сын трудился Взращивающим Строения, побывали на берегах сумрачного Пещерного Моря, погуляли в удивительных садах Вахарикали на плато Закатного Континента и провели много дней в обители Бдящих-Знающих, подвергших меня долгим расспросам об опыте занятий нейгун на Земле и о пребывании в состоянии Безвременья.

За всё это время я проникся глубокой симпатией к прекрасной Тейе, являющей подлинный образец естественной женственности в той её форме, какая являлась разве что прежним мечтателям и поэтам. Она рассказала мне про адские миры, где тридцать лет закладывала и тонко просчитывала условия дальнейшего зарождения и роста органических молекул, трудясь с коллегами на станции «Колыбель Жизни». Также она поведала мне об удивительном путешествии её дорогого супруга-звездолетчика на Марксиду, где он поучаствовал в контакте с Точкой Послания, а ещё был близок с молодой земной девушкой по имени Алиса, по странному совпадению, как и я, носящей фамилию Зорина. Она рассказывала о пути Синара, избравшего главной целью совершенствования своего человечества пестование искусства Пронзительного Внимания, позволяющего вскрывать природные тайны особыми методами внутренней концентрации, собирающей воедино всю целостность обретенных в течении жизни качеств.

Особенно меня заинтересовал рассказ о концепции Мансари, подразумевающей тонкое осознание идеально подходящего момента для чего-либо. Мансари означало полную своевременность некоего события, когда сходятся воедино правильное намерение, внешние условия, внутреннее состояние его участников и опыт, полученный от совокупности всех предыдущих действий. Мне показалось, что и революция есть момент такого же идеального мансари, ведь долг каждого настоящего революционера - непрестанно учиться и совершенствоваться, стремясь четко понимать и тонко чувствовать такую своевременность, без которой невозможно победить суровые внешние обстоятельства и достичь столь важной цели. Концепция Мансари вошла в плоть и кровь культуры Синара, применяясь постоянно, но высшего своего проявления она достигает в познавательных штурмах Бдящих-Знающих, употребляющих её как смысловой стержень медитаций, составляющих метод пронзающего внимания.

О существовании Бдящих-Знающих планеты Синар я узнал совершенно случайно, когда уже достаточно хорошо овладел местным Единым Языком. Было раннее утро, когда мы с Тейей, облаченной в короткое облегающее фиолетово-черное платье и плотные фиолетовые колготки с геометрическим рисунком, занимались языковой практикой прямо на скамье одного из многочисленных парков, раскинувшихся у подножия здешних удивительных домов-башен. В это время воздух отличался приятной освежающей прохладой и повсюду наблюдалось движение больших масс местных жителей. Молодые синариане, собравшись группами, занимались гимнастическими упражнениями, скорее напоминающими замысловатые стремительные танцы, а более взрослые сидели по скамейкам, предаваясь беседам или размышлениям. Откуда-то лилась мягкая, удивительно приятная музыка, немыслимые переплетения странных деревьев отбрасывали длинные извилистые тени, и мне казалось, будто я попал в сказку. Все окружавшие меня производили странное впечатление неких волшебных существ, недосягаемых в своем совершенстве. Ощущение присутствия в волшебной стране усиливалось от близости моей Наставницы, красота которой была непохожа ни на что, виденное мною ранее в прежней земной жизни. Мы разбирали иерархию глаголов упорядочивания, и я, немного отвлекшись, спросил:

- Почему всё вокруг кажется мне одновременно спонтанно-свободным и строго упорядоченным? Прежде я много думал о коммунистическом обществе будущего, силясь представить его, но то, что я вижу сейчас, кажется слишком уж совершенным.

- Построение того, что на вашем языке называется коммунизмом, требует радикального усовершенствования человеческой природы, – мягко улыбнувшись ответила Тейя. – Высокоразвитое планетарное общество создает все условия для совершенствования каждого отдельного человека, но осуществлять это совершенствование должен он сам.

- По счастью, концепция непрерывного развития открылась мне ещё на Земле во время пребывания в горах одной далекой страны, – ответил ей я. – Я говорю о том, что прежде даже не мог представить, что это развитие может зайти так далеко. То, что представляется сейчас моему взору, есть общество, кажущееся мне совершенным и лишенным каких-либо внешних изъянов. Неужели общество на Земле такое же!?

- Планетарное общество Синара ушло значительно дальше на пути совершенствования, чем общество твоей родной Марксиды-Земли! – ответила Тейя, поправляя платье. - Однако самая суть этого пути схожа. Так же как и вы, мы произошли от животных предков и несем в себе груз этого наследия. Чтобы преодолеть его, мало просто построить коммунистическое, научно организованное общество. Каждому члену этого общества нужно ещё научиться полностью управлять своей природой, подчинив все гормональные процессы силе разума. Только тогда спонтанные телесные реакции, сформированные миллионами лет эволюции, перестанут как-либо влиять на поведение каждого индивида, и лишь тогда общество окончательно преодолеет угрозу скатывания назад в животное состояние.

- Ты имеешь в виду такие потенциально разрушительные реакции, как гнев, ревность, обида, зависть, жадность, похоть или неконтролируемый страх? – спросил я, заглядывая в золотистые глаза своей Наставницы. – В определенных условиях такие реакции могли бы внести разлад в общественную жизнь, столкнуть одних людей с другими и вызвать конфликты, на которые я здесь ни разу не видел даже смутного намёка…

- Таков долг всех разумных существ, преодолевших свою животную природу, - улыбнулась мне Тейя, мягко касаясь моей руки. – Управление эмоциями и подчинение чувств силе человечного разума требуют не только здоровых коммунистических общественных отношений, но и определенных психофизических практик. Пути, ведущие к этой цели, несколько отличаются, но, по сути, их всего два.

- Каковы же они? – живо поинтересовался я.

- Прямой и косвенный. Первый требует глубокого постижения природы сознания и позволяет управлять собой напрямую. Для этого Второй же достигает цели опосредованно - через управление дыханием, сердцебиением и движением тела. Существует огромное число практик и методов как для первого, так и для второго. В чем-то они схожи, а в чем-то различны, – медленно произнесла Тейя. – Я недостаточно сведуща в методах, практикуемых твоим человечеством, хотя кое-что мне показал мой возлюбленный, бывавший на Марксиде… Мы на Синаре используем для этих целей преимущественно первый путь, практикуя Пронзительное Внимание, но об этом тебе скорее поведают Бдящие-Знающие.

Разумеется, я тут же поинтересовался, о ком идёт речь, и Наставница поведала мне об особой группе синариан, на долгое время отделяющих себя от общества и уходящих в закрытые пространства Пещерных Городов, дабы оттачивать и совершенствовать эту практику. Наиболее преуспевшие на этом пути синариане остаются там на целые десятилетия, обучая всех страждущих, специально прибывающих к ним для этой благородной цели. Наставница предложила посетить их, и уже через десяток дней мы вместе отправились в один из подземных городов на берегу удивительного Пещерного Моря. Здесь, в тусклом свете кристаллических сводов огромных подземных пустот располагались Обители Бдящих-Знающих. Сюда спускались синариане, готовящиеся к переходу на следующий жизненный цикл, чтобы получить мудрые советы и попытаться прозреть общие очертания своего грядущего. Также здесь проводили время те представители этого человечества, которые почувствовали острую необходимость очистить свой разум от груза накопившихся интеллектуальных трудов.

Тридцать дней я практиковал методы Бдящих, и всё это время Тейя Кан Латар была рядом со мной, подбадривая в минуты трудностей и подсказывая особо сложные для усвоения моменты в качестве переводчика. Поначалу требовалось успокоить ум и придать всеобъемлющую кристальную ясность своему сознанию, после чего вся сила спокойного ненасильственного внимания направлялась на сознание как таковое, чтобы постараться осознать природу своего собственного ума. Погружаясь в это состояние и позволяя наблюдать появление и исчезновение мыслей, не вовлекаясь в их течение, можно успокоить ум и шаг за шагом дойти до особого его состояния, в котором сознание существует словно бы само по себе, не воспринимаясь атрибутом личности. Только из этого безличностного состояния чистого незамутненного осознания и возможно то, что синариане называют Пронзительным Вниманием, позволяющим им постигать самую суть вещей и взрастать над своей собственной изначальной природной данностью.

Много позднее, уже вернувшись домой, я узнал от своих земных наставников, что на Земле нечто подобное этому методу существовало в буддизме школы ваджраяна. Однако синарианская практика отличалась от неё во множестве аспектов, суть коих я, к сожалению, не смогу описать. Конечно, за тридцать дней нашего пребывания в Обители Бдящих мне удалось лишь только немного прикоснуться к этой могучей и древней традиции, но она чрезвычайно впечатлила меня и помогла успокоить тревоги, смутно волнующие моё сознание с самого момента моего удивительного пробуждения после пребывания в Безвременье. Каждое утро - а счет времени велся в подземных пустотах исключительно по часам и внутренним ощущениям - мы покидали наши небольшие комнаты, скорее похожие на монашеские кельи, и принимали полное омовение в прохладной проточной воде какого-то знаменитого подземного источника. Делать это полагалось без одежды, и там я впервые, хоть и издалека, увидел мою Наставницу полностью обнаженной, что немало взбудоражило воображение. Затем мы облачались в свободные бордовые одеяния с вышивкой в виде неведомых мне созвездий и отправлялись в залы для занятий, где подолгу сидели в позе для медитации с примерно полусотней синариан, прибывших сюда одновременно с нами. После обеда наступало свободное время, которое мы с Тейей обыкновенно тратили на прогулки, беседы, занятия языком и посещение ближайшего Хранилища Знаний, где Наставница увлеченно раскрывала передо мной историю своей планеты, зачитывая фрагменты из хранившихся там книг.

Книги эти не были похожи на привычные земные, а представляли собой некое подобие кристаллов, высвечивающих объёмный текст или изображения прямо перед тобой после погружения этих кристаллов в компактное воспроизводящее устройство. Вечером Тейя покидала меня, оставляя наедине с курирующим нас Бдящим, дававшим задания и наставления для индивидуальной практики, завершающей день. После этого все мы собирались в обширной трапезной и сдержанно общались между собой, прежде чем разойтись по отдельным комнатам и отойти ко сну. Сам ритм жизни Обители оказался для меня весьма привычен и походил на тот, что был установлен в горном даосском монастыре, где мне довелось провести несколько лет в теперь уже столь далеком прошлом. Только в той своей прежней земной жизни мы занимались преимущественно практикой вуданского тайцзи, а медитация носила для меня скорее подготовительный характер. Здесь же мы почти не двигались, полностью сосредоточившись на внутренней работе со своим сознанием. По истечении короткого тридцатидневного погружения в потаенную мудрость Синара, мы выбрались на поверхность, и я как никогда ранее радовался возвращению под местное бездонное темно-синее небо, к которому прежде уже успел привыкнуть.

За неполный земной год моего присутствия в этом мире я горячо полюбил Синар, а ещё очень привязался к прекрасной, мудрой, тактичной и остроумной Тейе, но ещё больше мне хотелось поскорее попасть на Родину, дабы увидеть, каким стал мой мир за почти тысячу лет коммунистической истории. Бдящие-Знающие показали мне методы концентрации Пронзи-

тельного Внимания для поиска точки Мансари, сопровождающие медики обучили меня основам сознательной телесной адаптации, а чуткая, заботливая Тейя познакомила с основами культуры Синара и, что ещё важнее, научила современному Единому Языку. Близился день моего отлета, когда мы с Тейей и другими товарищами сидели на просторном балконе моего временного жилища, глядя, как маленький яркий Афет проходит по огромному диску Иссана и исчезает за горизонтом, погружая лесистую долину в приятный синеватый полумрак. Мы пили питательный нектар и вкушали местные плоды, обсуждая предстоящее путешествие, и постепенно ученые товарищи, занимавшиеся со мной уже долгие месяцы, разошлись, оставив меня вдвоем с Тейей. В своем серебристом платье в пол с глубоким вырезом до верхней части бедра, она казалась особенно красивой, а закат Афета в сочетании со светом восхода Иссана, придавал её коже совершенно сказочный оттенок.

Она задумчиво смотрела вдаль, повернувшись ко мне в профиль, а затем обернулась и внезапно спросила:

- Степан, я ведь тебе нравлюсь? Я имею в виду то, как мужчине нравится женщина, а не просто спутница и хороший товарищ. Я заранее прозреваю твой ответ и твои смятенные чувства, поэтому говори безо всякого смущения.

- Да, ты определенно мне нравишься... как женщина, - неуверенно ответил я. - Однако меня несколько смущают разговоры об этом, ведь там, на Земле, у меня была жена, которую я так любил и столь рано потерял. Кажется, с той поры прошла уже бездна времени… Да и ведь у тебя есть возлюбленный мужчина, о котором ты говорила с таким восторгом, теплотой и любовью!

- Мне бы хотелось увидеть, какой была твоя жена, но, увы, она уже давно ушла в память. Прошло больше тысячи ваших лет, и мир твоего человечества это во многом результат в том числе и её действий, - мягким, успокаивающим тоном сказала Тейя. - Мой возлюбленный для меня самый лучший мужчина на свете и хоть мы видимся редко, постоянно разделяемые десятилетиями звездных странствий и больших дел, но наша Великая Любовь не подвержена времени и расстояниям, а в моменты встреч она лишь становится крепче, тоньше и глубже.

- Вот и я о том же… - тихо перебил я. - Ты прекрасная женщина и вызываешь искреннее восхищение каждую минуту, проведенную вместе с тобой. Твоему мужчине можно только позавидовать.

- В тебе говорит социальная линейность и ограниченность людей докоммунистического прошлого, - назидательно ответила Тейя. - Зачем ты смешиваешь воедино разные категории и виды любви? Степан, пойми, что ты можешь любить всех людей и каждого можешь любить по-разному. Разве я вправе лишать своего любимого возможности близости с какой-нибудь другой замечательной женщиной, пока он десятилетиями трудится на благо нашего мира вдали от него? Вправе ли он лишать меня близости с чудесным, нравящимся мне мужчиной в эти долгие десятилетия нашей с ним вынужденной разлуки? Это же совершенно разные категории! Наша Великая Любовь существует сама по себе и зависит только от нас самих и никак не может зависеть от наших отношений с другими людьми...

- Ты хочешь сказать…

- Я не хочу говорить, просто делай то, к чему призывает тебя зов твоего большого доброго сердца, — ответила Тейя, плавно приближаясь. - Пусть это будет мой дар тебе. Унеси этот дар на Марксиду и там преобразуй эту пережитую радость во что-то ещё более прекрасное.

С этими словами она приблизилась ко мне и медленно положила свои тонкие руки мне на плечи. Тогда я осторожно обнял Тейю за талию и поцеловал прямо в её нежные сиреневые губы. Неуловимым движением она сбросила платье, тотчас упавшее к её ногам, и моему взору предстало прекрасное, полностью обнаженное женское тело в одних лишь тонких прозрачных голубых чулках. Всё, что было дальше, я не буду описывать, но за всю прежнюю жизнь мне не доводилось испытывать ничего подобного. Каждый раз, когда моя чувственность нарас-

тала, готовая к взрыву экстатического блаженства, она тонко перестраивала темп движений и характер ласк, возвращая меня в более спокойное, ровное состояние, чтобы из него вновь постепенно подняться вверх по ступеням нарастающего удовольствия. Когда казалось, что вот уже всё и близок физический предел моих мужских возможностей, она помогала мне легко перешагнуть этот предел, выйдя к ещё большей полноте взаимного удовольствия. Так в синечерном полумраке комнаты на просторном ложе я долго и самозабвенно ласкал прекрасную Тейю, наслаждаясь опытной чувственностью этой мудрой и зрелой женщины, перешагнувшей за полторы сотни лет жизни по нашему земному исчислению, но по-прежнему наполненной неувядаемой красотой могучей и любвеобильной юности.

Утром я проснулся в смешанных чувствах, внутренне удивляясь самой возможности столь вольных отношений между мужчиной и женщиной. Рядом безмятежно спала обнаженная и расслабленная инопланетянка, а за окном сиреневел ранний синарианский рассвет. Иссан уже почти исчез за горами, и приближался восход яркого маленького Афета. А это значит, что приятная мягкая прохлада должна была смениться сушащим жаром, от которого местные деревья сворачиваются в клубки, пряча свои, похожие на большие цветы, пористые листья, а местные жители перемещаются с открытых пространств в тенистые помещения и подземные галереи. Тейя ещё спала, блаженно раскинувшись по кровати, когда я вышел на балкон, размышляя о своей необычной судьбе. В тот день под прежней жизнью словно была поставлена последняя черта, и впереди расцветала новая прекрасная жизнь, полная невиданных горизонтов, а русский революционер Степан Зорин принадлежал уже не только своему народу, но и всему коммунистическому человечеству.

Немного поразмыслив над произошедшим с нами этой ночью, я понял абсолютную правильность подобных отношений между людьми, не отягощенными грузом невыполнимых обязательств и болезненных зависимостей. В чистой любви синарианки не было даже подобия предательства, а была лишь искренняя доброта и душевная открытость, неизбывное достоинство и тонкое чувство такта, взаимное уважение и ещё что-то, мне пока не вполне понятное. Люди Синара могли и умели любить, будучи совершенно свободны в своём выборе, продиктованном не привычной мне необходимостью или чувством долга, а настоящими взаимными чувствами и глубоким совпадением характеров тех, кто по своей воле решил быть вместе.

Когда Тейя проснулась и переоделась, предварительно приняв освежающий душ, мы направились в Галереи Приема Пищи, откуда собирались лететь в Островной Заповедник на встречу с ведущими специалистами по психологии докоммунистических человечеств, пожелавшими провести со мной серию тестов. Тейя, как всегда, много шутила, не упуская случая озадачить очередной сложной лингвистической конструкцией, которую надо было правильно понять и перевести на язык Земли без потери внутренней структуры и всех имеющихся уровней смысла. В тот день произошло особенно много встреч и событий, но среди всей этой суеты я успевал украдкой любоваться красотой и женственностью своей спутницы. В голове не укладывалась мысль, что совсем недавно эта женщина, которая вообще-то почти втрое старше меня, была моей.

Совсем скоро стало понятно, почему Тейя подарила мне близость именно сейчас. Вечером того же дня нас обоих доставили скоростным гравилетом на внешнюю орбиту Синара, где в гигантской Сфере Обитания как раз заседал Совет, призванный решить мою судьбу. В ближайшие дни открывалось благоприятное окно для перелетов в сектор галактики, где как раз можно было пересечься с земным звездолетом, а я был вполне готов к полету, что в один голос подтвердили все занимавшиеся со мной специалисты. На Синаре не любили долгих прощаний, но всё-таки я улучил минутку, оставшись наедине с Тейей в изгибе спирального перехода. «Спасибо за всё! Я никогда тебя не забуду. - горячо сказал я, а затем ещё добавил. - Твой возлюбленный действительно счастливый человек».

В ответ она нежно обняла меня, быстро поцеловала в губы и сказала: «Я обязательно расскажу ему о тебе. Уверена, это окажется очень интересным витком причинной спирали, ведь мой возлюбленный также был близок с юной девой с Марксиды — с Алисой Зориной, а ты зовешься Степан Зорин и, хоть ты не столь юн, но в этом времени тебе придется многое начинать с самого начала. Я искренне желаю, чтобы эта твоя новая жизнь оказалась прекрасна и полна великих добрых свершений».

Кажется, Тейя хотела сказать что-то ещё, но тут нас обнаружили медики из секции экзоантропологии, которым я был нужен для ещё каких-то последних тестов. Прекрасная Тейя Кан Латар улыбнулась на прощание и исчезла за изгибом коридора, а меня ожидала новая удивительная дорога, только теперь уже она вела меня домой.

3. Мир будущего

За сто шесть дней времени по Афету треугольный синарианский звездолет доставил меня в узловой мир, представляющий огромную каменистую планету в системе двойных звезд, где располагалась станция Дружбы Человечеств, принимающая гостей с Синара, Веллы, Каланга, Пралоса, Эйна, Кадэрра и с нашей Марксиды-Земли. Там я сердечно простился с товарищами по полету и был передан на земной звездолет «Энвер Ходжа», где впервые увидел своих соплеменников, являющихся одновременно моими далекими потомками. Ещё на борту я отметил, что все люди без исключения обладают правильным, гармоничным телосложением, высоким ростом, отменным здоровьем, притом все они очень красивы. Нигде и никогда с того самого момента, как я ступил на борт земного звездолета, я не видел некрасивых людей и лишь потом понял, что это есть результат целенаправленного совершенствования человеческой природы методами воздействия на механизмы передачи наследственности.

В моё время науке ещё были неизвестны премудрости генетики, и уж тем более никто не представлял себе даже саму возможность генной инженерии, но к 10-му веку коммунистической эры именно генная инженерия позволяла избавлять людей от тяжелых наследственных болезней, вредоносных мутаций и опасных психофизических отклонений. На протяжении всей дальнейшей жизни их здоровые тела лишь ещё больше совершенствовались посредством регулярных тренировок, о которых мне в своё время уже рассказывала прекрасная Тейя. Люди назвали совокупность методов личностного саморазвития древним термином «гун-фу», или искусством делания, что было мне хорошо знакомо по опыту тренировок в годы пребывания на Уданшане в Китайской империи династии Цин.

Глядя на эти совершенные, гармоничные и могучие тела, казалось бы, лишенные малейших недостатков, я порою ощущал собственную неполноценность. Но людям будущего присуща необыкновенная тактичность и глубокая эмпатия, потому они почти всегда улавливали это моё состояние и старались мягко поменять его на иное. Внешне люди будущего показались мне чересчур сдержанными и какими-то слишком уж правильными, но со временем это впечатление прошло и я начал видеть за внешней выдержанностью огромную глубину сложных чувств, принципиально не выставляемых напоказ, но умело считываемых другими людьми по мельчайшим, едва заметным признакам.

В полете я многое узнал об истории Марксиды, и особенно драматичным для моего восприятия явился двадцатый век, так как развернувшиеся в нём события во многом связаны со всем ходом моей жизни, а некоторых исторических деятелей я даже знал лично. То что было потом, казалось не менее интересным и грандиозным, но воспринималось уже несколько более отстраненно. Так, я с огромным интересом изучил материалы, посвященные финальному кризису капитализма и построению новой партии научного централизма, о череде кровавых локальных войн и всплеске революционного повстанчества, о Всемирной Коммунистической Революции и четырех конгрессах, о гражданской войне в США и Европе, о большом голоде

и переселении Юга, ну и конечно же, о Войне Последнего Союза и о долгом периоде Скрытого Сопротивления, когда недобитые остатки контрреволюционных сил вели отчаянную и бессмысленную в своей жестокости террористическую войну против медленно объединяющегося человечества. Затем были глобальные проекты и Всемирный Хозяйственный План с его легендарными десятилетками прорывных строек. Были первые космические города-станции и строительство первого планетарного кольца из материалов, добываемых на Луне. Было исследование и освоение ближнего космоса с Новым Сталинградом на Марсе и Сферой «Энгельс» на нынешней Церере-1. Был и старт космолетов с термоядерными двигателями с лунных стартовых площадок, а потом и строительство комплекса исследования дальнего космоса возле Плутона.

Внешнее развитие человечества в полной мере уравновешивалось внутренним. Нейрофизиологи, лингвисты и психологи упорно трудились над совершенствованием Единого Языка. Социальные инженеры создавали модели гуманного и рационального общественного взаимодействия, выстраивающего всё человечество в единую, многообразную и разнонаправленную саморазвивающуюся структуру. Медики и Тренеры разрабатывали методы продления жизни, повышения её качества и общего укрепления психофизического здоровья. Деятели культуры перерабатывали всё наследие прежних эпох, выделяя и культивируя наиболее правильные и созидательные творения, позволяющие обогатить глобальную и универсальную культуру человечества уникальными особенностями локальных и народных культур.

В это же время человечество активно благоустраивало исконную планету, постепенно приходя к пониманию необходимости превратить её в заповедную область, посещаемую лишь в периоды длительного восстановительного отдыха или же для более близкого знакомства с историко-культурной колыбелью человечества. Такое понимание окончательно оформилось в 5-м веке коммунистической эры, но до этого природа Марксиды претерпела немало изменений. Благодаря орбитальным системам управления погодой удалось сбалансировать климат на всей планете, устранив его наиболее экстремальные и опасные для человека проявления. Рациональное распределение производственных мощностей, подчинённое единому народнохозяйственному плану, позволило разгрузить многие области планеты, многократно усилив степень их экономической специализации.

Несколько веков коммунистической эры происходило и перераспределение населения планеты, пришедшего в непрерывное движение и прекратившего жестко привязываться к одному постоянному месту проживания. Теперь люди трудились то в одних местах, то в других, получая новое жилье из общественных фондов, а ещё очень много путешествовали и активно занимались спортом. Потом мне подробно рассказали, как из естественного личного стремления к телесной самореализации в спорте и общественной необходимости восстановления и укрепления психофизического здоровья сложилась воедино целая система личностного саморазвития, положенная на базу единой научной методологии. Тогда-то и пригодился богатый опыт древних практик индивидуального самосовершенствования, накопленный нашими предками, не всегда осознававшими, какое сокровище они развивают и насколько ценный это будет дар для свободного коммунистического человечества в будущем.

Катастрофическую ситуацию со здоровьем людей, подорванным скверной экологией и иными последствиями господства капитализма, удалось переломить за полтора века. Тому послужила не только единая методология саморазвития, но и упорный труд по восстановлению экологического баланса, а также долгая переработка массы вредных отходов, оставшихся в наследство от нескольких веков нерационального хозяйствования. Производства теперь были максимально безопасны и экологичны, а централизованное планирование позволяло наиболее рационально использовать все имеющиеся в доступе ресурсы.

Впрочем, всё более заметной становилась тенденция переноса сложных, ресурсоёмких и требующих много энергии производств в ближний космос, куда переселялись и сами люди,

постепенно перестраивая обслуживающие станции в полноценные жилые пространства. Уже тогда началось строительство первых внешних Сфер Обитания, ставших теперь настоящим домом человечества. Поначалу эти Сферы были невелики и представляли собой тороидальные и цилиндрические конструкции, а искусственная гравитация в них создавалась при помощи вращения. Затем человечество овладело передовыми эфирными технологиями, позволяющими создавать гравитацию посредством эфирных генераторов, использующих саму геометрию пространственных структур. В моё время учёные только предполагали свойства эфира, а позднее контрреволюционная буржуазная наука вообще долгое время боролась с ним и отрицала само его существование, но начиная с 22-го века человечество вновь вернулось к этой материалистической концепции, подкрепляемой незыблемой диалектической логикой единственно научного метода познания законов природы.

Пожалуй, Сферы Обитания небесного человечества поразили меня более всего. Внешне трудно было оценить их масштабность ввиду невозможности сравнить их с чем-то привычным мне по размерам. С борта рейсового космолета такие Сферы обычно выглядят как крупное, подсвеченное множеством огней небесное тело эллипсоидной или собственно сферической формы, имеющее несколько сотен вёрст в диаметре. Вблизи Сфера немного напоминает ежа, ощетинившегося длинными башнями и мачтами стыковочных модулей, лепестками отражателей и солнечных батарей, а также всякими иными внешними конструкциями. Внутри же Сфера — это целый огромный мир, втиснутый в ограниченное пространство так, чтобы дать людям максимум места для жизни. Первая посещенная мной Сфера находилась на орбите ледяной планеты узлового мира и представляла собой изнутри огромную плоскую ленту, восходящую по спирали вверх своеобразными ступенями так, чтобы занять весь внутренний объем этой мегаконструкции. На этой ленте располагались по краям более привычные мне жилые дома, но только гигантских размеров, а выходили они своего рода уступами на внутреннее пространство, обычно воспроизводящее ту или иную природную зону. Природные зоны разделялись меж собой также и внешними высотными перегородками, создающими для них зрительную закрытость и необходимую для работы погодных установок замкнутость. Между разными ярусами можно перемещаться на скоростных лифтах, проходящих сразу через некоторые дома, а в пределах разных секторов одного яруса обычно ходят скоростные магнитные поезда внутри прозрачной трубы. Также эти поезда постепенно поднимаются и по спирали наверх, заезжая или опускаясь на другие ярусы, но перемещение вверх-вниз на лифтах всё-таки гораздо быстрее.

Искусственные леса, парки, озера, реки, горы и даже небольшие моря, созданные людьми в разных природных зонах секторов обитания, столь похожи на настоящие, что периодически забываешь о том, что всё это не Земля, а гигантская рукотворная станция, вращающаяся по орбите вокруг некой планеты в далеком космосе. Гениальный труд ландшафтных архитекторов и экодизайнеров делает эти островки природы столь аутентичными, что на небольшом пространстве органично сосуществует множество локаций, плавно переходящих одна в другую. А искусственные стены, обыкновенно замаскированные под горы, и квазисолнечное освещение, льющееся с потолочных осветителей на крыше вышестоящего яруса ленты, ни в коей мере не бросаются в глаза, оставаясь неприметными и сохраняя ощущение полной естественности этой природной среды. После самих людей будущего, столь отличных от моих современников, эти гигантские космические дворцы, по сути представляющие собой целые искусственные миры, стали тем, что особенно поразило моё воображение. Впрочем, сам звездолет «Энвер Ходжа» тоже мало походил на морской корабль, имея на своем борту целые парки и оранжереи, а также массу свободных, весьма обширных пространств, что полностью лишало его ощущения какой-либо тесноты, замкнутости и пространственной ограниченности. В длительном полете звездолет казался мне настоящим чудом, но Сферы Обитания, ставшие домом для десятков миллиардов людей, оказались, конечно же, намного чудеснее.

Мы прибыли в Солнечную систему в 907-м году от Победы Мировой Революции и моя обратная адаптация к земным условиям была в основном закончена ещё в полете. Впереди ждал непродолжительный двухнедельный карантин, медицинские проверки в Блоке Финальной Адаптации с необходимыми прививками и постановкой систем внутренней биоблокады, а уже потом меня привели в зал ситуативного Совета, собранного специально по поводу моего появления. Там присутствовало множество учёных-специалистов от разных общественных структур, среди которых были: Институт Социальной Инженерии, Институт Общей Медицины, Совет Вертикального отдела Посещений, Совет Звездоплавания, Институт Психоистории и Докоммунистической Антропологии, а также авторитетный и суровый Институт Осторожности и Предусмотрительности, отвечающий за последствия любых потенциально опасных действий и явлений.

В президиуме сидели официальные лица от всех этих структур, выведенные туда автоматическими алгоритмами системы Единого Сознания, исходя из их уровня социальной ответственности, уровня личностного развития и необходимой для решения текущего вопроса компетенции. Сбоку от президиума располагался ряд, занятый старейшинами, прибывшими на совет по своим внутренним побуждениям и совместным решениям, не подотчётным официальной общественной структуре. Старейшины выделялись среди всех своим явно очень большим возрастом, странными одеяниями в древнекитайском либо староиндийском стиле, а также тем, что не принимали в обсуждениях никакого видимого участия, но очень внимательно наблюдали и слушали. Представитель Совета Звездоплавания вкратце обрисовал обстоятельства передачи моей персоны на звездолет синариан Странниками-Пустоты. Профессор медицины описал моё психофизическое состояние в совершенно непонятных мне тогда научных терминах, а затем социальные инженеры долго и запутанно обсуждали пути интеграции человека далекого прошлого в их сложное, высокоразвитое коммунистическое общество.

Выступил также некий Марк Сташински — руководитель одного из вертикальных отделов Института Осторожности и Предусмотрительности, сказавший о вероятности непредвиденных последствий моего появления, проявленных на уровне искажения естественных закономерностей сознательной эволюции человечества. Специалисты его института давно выстроили виртуальные модели возможных искажений этих закономерностей в случаях внезапного и непредвиденного точечного воздействия со стороны сверхцивилизаций, как это и было в данном случае. Я почти ничего не понял, кроме необходимости тщательных наблюдений за ситуацией, каковые и так представлялись мне очевидными. Марк, уже тогда показавшийся мне слишком молодым для столь ответственной должности и напомнивший одного знакомого студента-эсера своими черными кудрявыми волосами, апеллировал к авторитету некоего Виктора Ланге, получавшего предупреждения об инцидентах, подобных моему, от самого Михана Мгабве, ещё до того, как тот покинул мир людей и ушел в Запределье. В конце мне тоже дали слово, и я, чрезвычайно смущенный и взволнованный, сбивчиво прочитал сумбурную речь, где благодарил человечество, готовое принять меня, и обязался во всем следовать указаниям более опытных товарищей, дабы с честью пронести в этом новом мире гордое звание коммуниста.

После заседания ситуативного Совета меня ожидала встреча с сопровождающими, назначенными мне Советом Посещений, для чего меня провели в стандартную Зону Прибытия, как если бы я прилетел в Сферу Обитания регулярным пассажирским рейсом. О моей удивительной истории уже знали многие, но недавний Совет намеренно ограничил количество желающих повидать гостя из далекого прошлого, и на первое время мной должен был заняться товарищ Мануэль Суарес. По первой профессии он был психоисториком, по второй - Инженером Систем Социальных Коммуникаций, а по третьей - медиком. Также я находился под наблюдением доктора Ван Ши Аня, ответственного за моё здоровье и физическую адаптацию к новой жизненной среде. Вместе с ними была ещё и молодая помощница Мануэля - Виктория

Эрфарен, только что окончившая институт Социальной Антропологии. Они ожидали меня в Фойе Зоны Прибытия Сферы Обитания Субземля-4, и именно тогда я в первый раз увидел Вику. Среди множества красивых молодых девушек, уже виденных мною на звездолете, в блоке финальной адаптации и здесь, в фойе, она сразу показалась мне самой красивой. Сказался уже упомянутый мною эффект синарианской техники Пронзительного Внимания, когда мозг на уровне подсознания сумел сразу определить наиболее близкого мне человека по неким неуловимым признакам, которые я осознал лишь спустя определённое время.

Она была одета в синюю блузку, широкую, свободную юбку до колен и высокие, металлического цвета ботинки. Её изумительная улыбка могла принадлежать только очень жизнерадостному человеку, абсолютно уверенному в том, что всё в жизни будет хорошо, и уверенность эта непременно подкреплялась всем её каждодневным жизненным опытом. Наверное, не самую последнюю роль сыграла полная внешняя непохожесть Вики на мою прежнюю земную жену Светлану. Если у Светы были темные волосы и карие, близко посаженные глаза с внешностью, скорее указывающей на южные или татарские корни, то волосы Вики были цвета спелой золотистой пшеницы, глаза - светло-голубыми, а лицо скорее относилось к балтийскому типу. Фигура Вики, впрочем, как и практически всех виденных мной женщин, имела черты стройного гармоничного атлетизма, какого были совершенно лишены мои прежние современницы, либо полноватые и дородные, либо совсем стройные, но худые. Впрочем, мои вкусы наверняка сильно отличаются от современных, но правильность телосложения и могучее здоровье Вики являлись совершенно очевидными, вызывая ассоциации с античными статуями, изображающими прекрасных дев или, скорее, богинь.

За внешним великолепием юной девушки я не сразу обратил внимание на высокого крепкого мужчину с кудрявыми русыми волосами и клиновидной бородкой, приветствовавшего меня старинным рукопожатием:

- Здравствуй, товарищ Зорин. Я Мануэль Суарес. Совет Посещений доверил мне честь курировать твоё пребывание в нашей системе до тех пор, пока ты не обретешь социальную компетенцию, позволяющую самостоятельно принимать все решения в своей общественной жизни. Это моя помощница Вика Эрфарен. Она как лучший выпускник и талантливый молодой ученый получила право писать нечто вроде репортажей для всемирной новостной ленты о тебе и всём, что с тобой связано.

- Рад вас видеть товарищи! - сказал я, пожимая сначала крепкую руку Мануэля, а потом также крепкую, но одновременно мягкую и нежную руку Вики. - Мы летели сюда около года, так что я успел хорошо ознакомиться с современным положением дел в Солнечной системе. Читал я и про недавний контакт с Точкой Послания, совершённый героем-звездолетчиком Ваном Хорном, чья спутница жизни Вера Эрфарен…

- Да, Степан, я знаю, чего ты скажешь, - весело перебила меня Вика. - Вера Эрфарен это моя мама, основавшая школу Опережающего Прозрения, так что я с самых ранних лет посвящена в её метод и отрабатываемые в её школе практики. Соответственно, Ван Хорн это мой папа, о котором ты и читал…

- Вика будет помогать тебе во всех текущих бытовых вопросах, - продолжил Мануэль. - в то время как я буду больше занят организацией твоего взаимодействия с остальным обществом и систематизацией труда ученых, желающих прикоснуться к твоему богатому и весьма ценному в историческом контексте жизненному опыту. Своего сопровождающего врача Ван Ши Аня ты уже знаешь и он тоже будет всегда находиться поблизости. Обычно врач сопровождает жизнь человека дистанционно, но в твоем случае помощь, и совет могут потребовать личного присутствия в любой момент.

- Благодарен за такую заботу, товарищи, - несколько смущенно ответил я. - но в целом чувствую себя хорошо и, наверное, вполне здоров.

- Твой организм, даже будучи достаточно крепким и здоровым, может оказаться не готов ко всему разнообразию внешних условий жизни нашего человечества, — успокаивающим тоном ответила Вика. - Так что сопровождение Ши Анем не будет лишним. Впрочем, я смогу прозреть необходимость врачебной помощи задолго до того, как ты сам её осознаешь.

После этого короткого разговора мы сели на магнитный поезд и перебрались в моё новое жилище, расположенное в секторе умеренного климата. Выделенная мне линейным отделом распределения жилых пространств комната была обустроена по схеме, заранее переданной в отдел Викой, и представляла собой отличную имитацию типичной московской квартиры начала 20-го века, какую могла позволить себе семья среднего достатка. Единственным отличием можно считать только минимум мебели, выполненной из незнакомого мне материала, а также обширные панорамные окна, выходящие на другие уступчатые строения жилого сектора, поднимающиеся куда-то вверх на невероятную высоту. Внизу, прямо под колоннами, на которых покоилось наше жилое здание, расстилался обширный лесопарк из деревьев, типичных для великой русской равнины.

Как раз в это время погодные установки воспроизводили среднюю осень, и лиственные деревья раскрасились всеми осенними оттенками от золотисто-жёлтого до насыщенно-красного. Прохладный осенний воздух затягивало и в комнату, но в целом в здании было весьма тепло. Где-то внизу под искусственной почвой располагалась узловая станция магнитной дороги, соединявшей этот сектор с другими, а ещё ниже находились закрытые сельскохозяйственные оранжереи и стыковочный блок для грузовых космолётов. Наверху же здания поднимались вверх так, что каждое следующее находилось чуть выше предыдущего, образуя постепенно восходящую вверх спираль, разделенную на разных высотных уровнях искусственными разграничителями, обычно выглядящими как горы.

Доктор Ван Ши Ань, Вика и Мануэль расположились в соседних жилых комнатах, так же, как и моя, выходящих с одной стороны на большой внутренний коридор с лифтами и техническими помещениями, а другой стороной на широкую внешнюю террасу с бассейном, прогулочно-беговой дорожкой, теплым садом и затейливыми цветниками. В конференц-зале верхнего яруса нашего жилища проходили наши ежедневные встречи с учёными, дотошно опрашивающими меня относительно обстоятельств прежней жизни и особенно моего пребывания в состоянии Безвременья. На нижнем ярусе располагался штатный медблок и там меня периодически осмотрели учёные-медики, просвечивая некими неизвестными мне устройствами, забирая всяческие анализы и задавая многочисленные вопросы. Впрочем, общение с учёными было весьма ограничено по времени, так как Мануэль строго следовал рекомендациям Совета Посещений и оберегал мой покой, давая возможность получше адаптироваться к новым условиям жизни.

Мой опыт занятия гунфу, совершенно уникальный для русского революционера той далекой эпохи, пришелся здесь как нельзя кстати и я возобновил занятия тем, что прежде мог делать лишь изредка и в большой тайне от окружающих. Вика пришла в восторг от воспроизведенных мной формальных комплексов - таолу уданского тайцзицюань образца конца 19-го века и сразу же присоединилась к занятиям, поразив меня той легкостью, с какой она усваивала самую суть движений, освоенных мною лишь долгими годами упорных тренировок. Мануэль же заснял этот процесс на портативный назапястный браслет, сразу же разослав отснятый материал всем специалистам, причастным к школам традиционного ушу. Китайское правительство предприняло первые попытки упорядочить и сохранить это уникальное наследие лишь начиная с 50-60-х. гг. 20 века, но к тому моменту многое уже оказалось безвозвратно утрачено. То, что помнил я, относилось к более старому пласту традиции, тогда ещё не упорядоченной и развивавшейся естественным путем. Несомненно, этим должны были заинтересоваться методисты, историки внутренних практик, а главное - практикующие Мастера и Учителя, преподающие искусство гунфу в его нынешнем виде.

В свободное время я ездил по разным интересным местам нашей Сферы Обитания, сопровождаемый то Викой, то Мануэлем, а то и обоими сразу. Наше появление всегда вызывало у всех встреченных людей сдержанный интерес, но воспитанная тактичность не позволяла лезть ко мне с расспросами и хоть как-то мешать знакомству человека из прошлого с привычным для них миром будущего. Удивляться чему-либо я перестал ещё во время своего пребывания на Синаре, ну или уж точно в ходе полета к Марксиде на звездолете «Энвер Ходжа». Потом меня часто спрашивали о том, что показалось самым удивительным в этом новом мире и я всегда неизменно отвечал, что самое удивительное это люди. Однако, некоторые из многочисленных технических чудес всё-таки сильно поразили воображение и никак не могли быть обойдены вниманием.

Прежде всего поражало обилие автоматических механизмов, обслуживающих человеческие поселения, но при этом не бросающихся в глаза. Мануэль специально водил меня в блок технического обслуживания коммунальных роботов и показал, как эти, внешне похожие на разнокалиберных механических пауков, автоматы перемещаются по специальным техническим ходам под обшивкой коридоров обычных помещений. Роботы обслуживали системы жизнеобеспечения, ремонтируя их при надобности, проводили монтажные и строительные работы, занимались уборкой мусора и очисткой спрятанных от досужих глаз коммуникаций, собирали информацию о состоянии различных систем. Они регулярно расползались из своих блоков обслуживания с текущими заданиями, а затем возвращались в эти блоки, где наладчики и инженеры осматривали уже их самих, отправляя на ремонт, если таковой требовался. Мануэль показал летающих дронов-ремонтников и дронов-доставщиков, а также сводил меня на терминал внешнего обслуживания, где находятся уже более серьезные автономные аппараты, созданные для работы во внешнем пространстве Сферы или даже в открытом космосе. В инженерном блоке мне показали и человекоподобных роботов — андроидов и гиноидов, ограниченно используемых для разных специфических целей. Люди считали эстетически неправильным придавать умным механизмам черты людей, предпочитая облекать их в наиболее функциональную форму, но иногда требовалось и такое. Андроиды и гиноиды применялись в основном для обучения и обычно были нужны для симуляции некоторых ситуаций, в каких настоящим людям участвовать опасно.

В быту людей будущего меня более всего впечатлил подчеркнутый минимализм, переходящий в строгую аскетичность. Просторные общественные помещения и скромные жилища отличало удобство и максимальная функциональность всех предметов быта, лишенных всяческой показной роскоши, но неизменно красивых и эстетически очень приятных. Типичное жилище, получаемое человеком по запросу от линейного отдела распределения жилых помещений, представляло собой в меру удобную квартиру, легко трансформирующуюся под индивидуальные запросы каждого человека. Здесь почти не было громоздкой и статичной мебели, а всё выполняющее её функции можно было легко сложить, переделать или вообще убрать в стену, освободив пространство для приема гостей или для собственных занятий. Сами стены, за исключением несущих, также легко убирались, сдвигались и раздвигались, давая возможность менять внутреннюю конфигурацию жилого помещения так, как удобно и нужно в текущий момент. Цвет или раскраску стен всегда можно было сменить через терминал управления помещением, обычно компактно располагающийся прямо у входа. Можно было также спроецировать на стену любое понравившееся голографическое изображение, создав ощущение пребывания в лесу, на море, в горах или, например, под ночным звездным небом. Центральный зал жилища обыкновенно выходил на просторный балкон или на внешнюю террасу с неизменной зеленью, цветами и элементами эстетического украшения. Главный же вход чаще выходил во внутренний коридор жилого этажа напротив всяческих бытовых, технических или общественных помещений, не требующих прямого выхода на открытое пространство.

В противовес стандартным легко меняющимся под индивидуальные потребности жильцов помещениям квартир, общественные пространства и здания отличались огромными размерами и разнообразием, а по красоте и эстетике оформления скорее напоминали прежние дворцы. Вика постоянно водила меня в такие места, показывая Залы Внутренних Практик, Пространства Построения Телесности, прогулочные оранжереи, Галереи Искусств, Залы для Танцев, Ландшафтные Парки, роскошно оформленные Общественные Столовые и Малые Залы Питания Вкусом, Стадионы, Концертные Залы и масштабные многоярусные Культурные Комплексы. Жизнь там била ключом, явственно демонстрируя всё то, за что мы с товарищами боролись в революцию и гражданскую войну, хотя тогда могли представить себе лишь слабое подобие того культурного расцвета и всеобщего приобщения к прекрасным искусствам, какие я видел теперь здесь.

Если высокоразвитых людей и совершенные автоматические механизмы я ещё мог себе представить в далеком двадцатом веке, то подлинным чудом для меня явилось Единое Сознание. Не сразу далось мне понимание того, как устроено, как работает и где находится это всеобщее хранилище всей доступной человечеству информации, к которой легко может получить доступ любой желающий при условии наличия у него соответствующего социального уровня и профессиональной компетенции. Поначалу было трудно поверить, что в любой момент я могу связаться с кем угодно из сорока миллиардов людей нашей Солнечной системы, просто вызвав его через личный браслет, персональный компьютер или уличный терминал, а потом свободно поговорить с этим человеком как по телефону, так и по видеосвязи или даже через объемную голографическую проекцию. И совсем уж запредельной технологией казалась прямая мысленная связь, требующая некоторой индивидуальной подготовки и сонастройки своего мозга со сложной аппаратурой ментоскопических ретрансляторов. Поначалу я мог пользоваться только обычными звонками, а прямую мысленную связь сумел освоить уже намного позднее, благодаря большим стараниям Вики, проводившей много времени, тренируя меня в специфических ментальных усилиях и непривычных способах мысленной концентрации.

Примерно через месяц моего пребывания в Сфере Обитания Субземля-1 товарищи решили подключить меня к Единому Сознанию и научили пользоваться им, ограничив уровень доступа к информации моей скромной социальной компетенцией, каковая тогда очень условно соответствовала уровню ребенка восьми-девяти лет. Поэтому универсальный алгоритм постоянно предлагал мне детские обучающие программы и познавательные трансляции, открывающие очень широкую панораму жизни человечества. Получаемые таким путем знания являлись подлинно энциклопедическими, но не отличались большой глубиной, что, собственно, лишь повышало для меня их ценность и легкость усвоения. Отдельные, наиболее заинтересовавшие меня моменты можно было изучать уже по учебникам, которые Вика научила меня скачивать через Единое Сознание и выводить на объемный голографический проектор домашнего персонального компьютера, стилизованного в этой комнате под нечто схожее со старинной швейной машинкой Зингера.

Я как раз осваивал учебник по основам эфиродинамики, решая школьные задачки с расчетом плотности воздействия потоков свободного эфира в нестабильных системах нескольких небесных тел, когда ко мне вошла сияющая Вика, с порога заявившая, что нам пора лететь на Марксиду. Давно я ждал этого момента, и вот он настал, знаменуя скорое возвращение на родную планету. Как бы ни были прекрасны совершенные небесные города человечества, но я всё же родился и вырос на Земле, а потому мог почувствовать себя дома, только вновь ступив на неё.

4. Москва

Словами не описать испытанные мной чувства, когда наш рейсовый космолет приближался к Орбитальному Кольцу Марксиды, и я с замиранием сердца смотрел на медленно надвигающуюся на нас планету, которую прежде никогда не видел всю целиком, да ещё и с такого головокружительного расстояния. Потом пришлось принять целый ряд препаратов, позволяющих безопасно дышать в атмосфере Земли, не боясь мутировавших за тысячу лет бактерий и новых вирусов, способных повредить моему неприспособленному к ним организму. Обычные люди умели делать это самостоятельно, сознательно подстраивая иммунную систему под новую среду, но мне такое умение пока было недоступно, и приходилось полагаться на достижения фармакологии, волновые воздействия медицинских приборов и пристальное наблюдение со стороны доктора Ван Ши Аня. С Орбитального Кольца мы пересели на небольшой транспортный гравилет, доставивший нас прямиком на Линию Переноса космопорта «Новая Москва», где я с огромным трепетом ступил на землю дорогой Родины.

Стояло самое начало лета, и мои товарищи специально подгадали посещение России к такому времени года, когда тяжесть воздействующих на мой организм перемен окажется минимальной. Обширная площадь на выходе из космопорта оказалась окружена рядами зеленых деревьев, скрывающих выходы к внешним транспортным терминалам, где можно пересесть на наземный общественный транспорт или заранее заказать через Единое Сознание автоматизированный гравилет. Площадь эта была заполнена людьми, иногда с любопытством посматривающими на меня, заметно отличающегося ото всех остальных своим непривычно небольшим для современных людей ростом и лицом взрослого мужчины, на котором словно бы отпечатались тяготы пройденного жизненного пути. Здесь были разные лица, и многие производили ощущение многоопытных суровых людей, повидавших такое, что мне и не снилось, но ни на одном из этих лиц нельзя было увидеть ни тени страдания, а жизненная мудрость, читающаяся во взглядах, носила характер спокойной и сдержанной мощи, аналогий для которой я не смог бы подобрать в среде прежних своих современников. Впрочем, взрослых людей здесь было не так уж много, а более половины присутствующих на площади были детьми и подростками, прилетевшими в Москву на экскурсии.

Для меня этот день тоже прошел в экскурсиях по городу, столь хорошо знакомому в прошлом. Коммунистическая Москва будущего имела мало общего с тем прежним городом, представляя собой огромную по площади парковую зону с ровными рядами высотных домов от ста этажей и выше, отстоящих один от другого на порядочное расстояние. Все эти дома соединялись меж собой крытыми полупрозрачными переходами, поднятыми над наземными парками и позволяющими перемещаться из одного здания в другое не выходя на улицу, что особенно ценно в зимнее время. На нижних этажах располагались общественные столовые, залы, закрытые тренировочные площадки и информатеки. Под землей проходили ходы линий скоростного сообщения, позволяющие быстро перемещаться в любую нужную часть города.

В первую очередь мы посетили исторический центр, превращенный в большой музей, отображающий Москву разных временных эпох. Самым важным местом в Москве считается мавзолей Ленина, куда мы и пошли сразу же по прибытии в центр. Великий революционер и создатель первого в мире социалистического государства пережил меня всего лишь на четыре года. Теперь я вновь вглядывался в черты человека, знакомого мне ещё по периоду участия в Союзе Борьбы за Освобождение Рабочего Класса и несколько раз виденного мною впоследствии. В то утро очередь в мавзолей показалась попросту огромной, но мне сказали, что очередь эта не иссякает никогда, а помимо людей нашего человечества в ней почти всегда можно увидеть и представителей иных неимоверно далеких миров. Меня узнали, так как новость о сохраненном Странниками-Пустоты человеке далекого прошлого давно стала достоянием общественности. По этой причине обыкновенное посещение мавзолея превратилось в целый импровизированный митинг, где все присутствующие хотели подойти поближе и задать вопрос

человеку, знавшему Ленина лично, пускай и недостаточно близко, но всё же вживую общавшегося с тем, кому человечество обязано своим нынешним грандиозным положением.

Мне пришлось прочитать целую речь, рассказав о боях трех первых революций и поблагодарив судьбу за саму возможность снова стоять здесь, в центре Москвы, общаясь со своими отдаленными потомками. Слова подбирались с трудом, а чувство нереальности происходящего заметно прибивало полет мыслей, так что очень скоро вперед вышла Вика, громко попросившая дать нашему гостю отдохнуть по причине ещё недостаточной адаптированности и моральной сложности момента. После слов Вики все с пониманием разошлись, продолжая поглядывать на нас издалека и доброжелательно улыбаясь всякий раз, как я ловил их заинтересованные взгляды. Мы посетили Исторический музей и Музей пяти революций, где ситуация повторилась, и мне вновь пришлось говорить речь, общаясь с экскурсантами, представленными в этот раз в основном школьниками. Потом мы долго бродили по тщательно отреставрированным улицам центра, где меня раз за разом одолевали странные, малопонятные чувства. Всё вокруг казалось одновременно чужим и знакомым, а когда впереди появлялось памятное здание, виденное мною прежде в точно таком же виде, меня охватывал ностальгический трепет и щемящее чувство тоски о чем-то давно, безвозвратно утерянном. Мануэль и доктор Ши Ань комментировали то, что появилось уже после моей давней мнимой гибели, а Вика шла рядом, чутко улавливая моё состояние и иногда осторожно беря за руку, что каждый раз вызывало настоящую волну приятного покоя, разливающегося прямо от сердца.

Мануэль также старался не давать мне впасть в ностальгические чувства и много говорил, обрисовывая грядущие перспективы:

- У тебя ещё будет время побродить по этим улицам, потому что на Марксиду мы прилетели надолго. Несколько месяцев пробудем в Москве, а затем, как ты и хотел, перелетим в Пензу. Там тоже сохранили исторический центр, но куда скромнее, чем здесь. В родном городе ты вряд ли что-то узнаешь, но зато отдохнешь от скорых московских трудов, предстоящих нам всем с завтрашнего дня. Историки и социальные антропологи, можно сказать, уже стоят на низком старте и только ждут разрешения от меня и Совета, чтобы наброситься на тебя со своими исследованиями. Ты для них драгоценный источник уникальной информации, так что придется много времени провести в общении с ними.

- Это хорошо, а то я уже начал уставать от безделья, - отвечал я. - Радостно, что я хоть на что-то ещё сгожусь и что впереди предстоит большая работа!

- Работа? Не работа, а труд! - тотчас поправила меня Вика. - Работают механизмы и роботы, да ещё прежде этим занимались рабы... У нас нет рабов, так что люди не работают, а трудятся.

- Прости, Вика. И поправляй всякий раз, когда нужно! - смущенно ответил я. - Всё ещё периодически забываю правильные лингвистические конструкции Единого Языка и начинаю сдуру говорить по старинке.

- Ничего страшного. Это Москва на тебя так влияет. - успокаивающе сказала Вика, - Мануэль, мне кажется, ему достаточно на первый раз, а то он может впасть в тягостные ностальгические думы. Нужно больше действия и правильного общения…

Для первого раза мне действительно было достаточно, и ближе к вечеру мы поехали в жилой комплекс на окраине, где ещё с самого утра Мануэль забронировал нам три свободных жилых помещения с общим залом и комнатой для конференций на соседнем этаже. Поначалу мы хотели поселиться прямо в центре Москвы в гостевых домах на Арбате или даже в фантастически огромной гостинице «Советская Россия» с видом на древний Кремль, но решено было не бередить лишний раз мои воспоминания и ограничиться обычным урбанистическим видом из окна с огромными высотными домами среди умиротворяющей зелени парков, распростёртых до самого горизонта.

Так начался мой труд над воссозданием прожитого опыта, который я всё ещё иногда по привычке называл работой, вызывая недоумение товарищей, всякий раз задорно поправлявших меня. За два летних месяца вся моя недолгая прежняя жизнь была изучена вдоль и поперек, а рассказы о ней неоднократно записывались, сверялись один с другим и укладывались в общую матрицу личной истории. Меня даже подвергли глубокому ментоскопированию, вытащив из глубин памяти такие эпизоды, о каких я сам давно позабыл. Единственная тема, не затронутая исследованиями, касалась периода моего пребывания в Китае, куда я в свое время бежал из иркутской ссылки. Старейшины человечества настояли оставить эту тему на потом, так чтобы я осуществил передачу полученных тогда знаний тогда, когда полностью адаптируюсь к жизни в современном мире и сам найду мастеров, которым решу их передать.

Восстанавливая события моей прежней жизни, я старался вспомнить всех своих товарищей и рассказать о каждом достойном человеке, встреченном на жизненном пути. Казалось несправедливым, что в светлой Москве будущего нахожусь именно я, в то время как многие другие, куда сильнее заслуживающие этой чести, давно сгинули в царских застенках, в ссылках, революционных боях и на полях Гражданской войны. Я рассказывал учёным-историкам всё, что только мог вспомнить о прекрасных людях, начиная с первого своего опыта участия в марксистских кружках и заканчивая яростными кавалерийскими атаками в степях Северного Причерноморья.

Иные из моих соратников по Союзу борьбы за освобождение рабочего класса умерли в тюрьмах и на каторге, кто-то скончался от туберкулёза в сибирской ссылке. О дальнейшей судьбе товарища, с которым мы бежали из Верхнеудинска в Ханькоу, я знал лишь, что он благополучно добрался до Лондона, а после осел в Швейцарии, так и не вернувшись в негостеприимную Россию. Некоторые мои товарищи по большевистскому подполью вошли в историю, но о большинстве из них не было ничего доподлинно известно. Из принесённых историками архивных справок я узнал, что брат моей жены Светланы стал крупным советским служащим в области здравоохранения, но не пережил 1938 год, будучи арестован по доносу какого-то рвача и карьериста. О судьбах горных рабочих с заводов Южного Урала, привлечённых нами со Светланой к нелегальной деятельности, также нельзя уже было ничего установить. Некоторые из этих замечательных товарищей прошли вместе со мной легендарным рейдом Блюхера через горы и леса - они либо погибли в боях с белочехами и казаками Дутова, либо влились затем в разные воинские части регулярной Красной Армии.

Судьба разметала нас по разным дорогам, и после досадного ранения во время Кунгурской катастрофы я более не видел никого из них. Зато в госпитале судьба свела меня с земляком из Пензы - Василием Савельевым, чьим холодным мужеством и развесёлым, неунывающим характером я не перестаю восхищаться и поныне. Савельев с детства пас в барском хозяйстве лошадей, которых горячо любил и в которых отлично разбирался. Юношей он перебрался в Пензу, став рабочим на Механическом заводе Кракка, а в 1915 году его призвали в действующую армию, где определили в 12-й драгунский Стародубовский полк. После Октябрьской революции Савельев вступил в партию и в числе первых откликнулся на призыв идти в Красную Армию, а когда начали формироваться части красной кавалерии, закономерно попал в них. Этот лихой, отважный мужчина умер в холодном феврале 1920 года у меня на глазах. По злой иронии судьбы он выжил в страшных рубках под Чёрным Яром, Вязовкой и Торговой, но оказался бессилен перед бушевавшим тогда сыпным тифом и за считанные дни угас прямо у меня на руках.

Я рассказал всё, что вспомнил о своих боевых товарищах, постаравшись максимально точно воспроизвести их жизненный путь, благо должность комиссара требовала как можно больше знать о подноготной красноармейцев нашего полка. Мои рассказы мягко направлялись точными вопросами, помогающими вспомнить даже то, что, казалось бы, уже давно забылось. Учёные, беседовавшие со мной, проявляли огромное уважение и тактичность, но при этом

поразительно чутко улавливали любые мои вольные и невольные недомолвки, стремясь к безукоризненной точности воспоминаний. Всё это время рядом находились мои сопровождающие: Мануэль, Ши Ань и, что особенно приятно, Виктория. Когда мне становилось тяжело, она первая не терпящим возражений голосом давала знать, что товарищ Зорин устал или что поднятая тема слишком деликатная и личная, а потому требует более осторожного подхода и присутствия только самых необходимых специалистов.

Хоть всё моё внимание уходило на ответы уважаемым товарищам историкам, я прекрасно замечал, что с каждым днём Вика начинает смотреть на меня как-то иначе. Она чрезвычайно внимательно слушала историю моей жизни, сидя рядом и глядя на меня своим особенным взглядом. Иногда я ловил этот взгляд и видел в нём одновременно восхищение и сочувственную жалость, вперемежку с чем-то мне пока непонятным. Впрочем, эта прекрасная девушка всегда держалась с неизбывным достоинством, движения её оставались строги и выверены, а эмоции лишь изредка проявлялись в мимолётном взгляде её умных, добрых глаз.

Обычно первую половину дня мы проводили общаясь с историками в большом научном центре, расположенном в Замоскворечье, затем обедали в тамошней столовой и шли гулять по городу, отдыхая после общения с дотошными историками. Постепенно наши прогулки по Москве стали обрастать большим количеством сопровождающих, и в какой-то момент я уже сам стал водить полноценные экскурсии для специалистов-историков и просто для удачно прибившихся к нам туристов. Поначалу это сильно утомляло, но зато после этого я чувствовал себя действительно нужным, и это чувство помогало справляться с периодически накатывающими волнами ностальгической тоски по безвозвратно ушедшему.

Наиболее знаковые места, связанные с прошлым города, оказались оборудованы стационарными голографическими проекторами, позволяющими выбрать любой исторический период и узреть воочию, как это место тогда выглядело. Разумеется, я в первую очередь включал проекции начала 20-го века, в коих мне даже удалось обнаружить несколько незначительных ошибок, о чем Мануэль сразу же сообщил в Культурно-Исторический Совет Москвы. Сама идея таких проекций понравилась мне до чрезвычайности, и при каждом удобном случае я ходил по Москве, ориентируясь на карту проекторов, специально загруженную мне через Единое Сознание вездесущей и заботливой Викой. Ей явно нравилось гулять со мной, тем более прежде Виктория не бывала в Москве, так что теперь с немалым удовольствием ходила по Арбату и Остоженке, Моховой и Пречистенке, Смоленке, Лубянке, Манежной, Кремлевскому музейному комплексу и грандиозным спиралосадам Замоскворечья, напоминавшим мне читанные в детстве истории о легендарных садах Семирамиды.

После таких прогулок мои ноги всякий раз гудели от усталости, но Виктория не выказывала ни малейших признаков утомления, бодро вышагивая со мной в одном или другом летнем платье и легких, но удобных сандалиях. Я рассказывал увлеченно слушающей меня девушке о жизни прежней купеческой и мещанской Москвы, о подпольных собраниях первых большевиков, об уличных боях 1905 года и о том, какие думы наполняли головы людей, живших тогда. В свою очередь, Виктория рассказывала мне о советской Москве 20-го века и о периоде победившей контрреволюции, показывала строения, возведенные ещё во времена войны Последнего Союза, и грандиозных стройках первых веков коммунистической эры. Всё это сопровождалось просмотром объемных реконструкций этих строек через голографические проекторы. По словам моих сопровождающих, такие темпоральные проекторы устанавливались по всей планете и позволяли восстановить образы давно минувших эпох — не только исторических, но даже и геологических.

Вечерами мы с Викой иногда смотрели фильмы: как простые двухмерные изображения, отснятые за триста-четыреста лет развития кинематографа, так и более современные мыслефильмы, создаваемые творцами более поздних столетий. Я видел то, что современные люди называли мыслефильмами, и хорошо понимал, насколько это отличается от кинематографа

начала 20-ого века, только ещё начинавшего долгий путь своего развития. Благодаря все ещё непонятным мне технологиям, эти мыслефильмы позволяли достичь практически полного погружения в передаваемые режиссером искусственные образы, достигавшие пугающей степени реалистичности. Такое кино передавало не только объемное цветное изображение и окружающий звук, но и создавало полноценный эффект присутствия в демонстрируемых сценах, когда зритель словно бы непосредственно находился поблизости, а не видел происходящее на плоском экране, как это было раньше.

Конечно же, Вика старалась показывать мне побольше фильмов из 20-го века, отображавших события революции, гражданской войны, строительства социализма, Великой Отечественной войны советского народа против мирового фашизма и дальнейшего периода максимального могущества страны, совпавшего с её медленным сползанием в болото ревизионизма, ведущего к неизбежной капиталистической реставрации. Смотреть на это было поучительно и иногда грустно, но вот период первой половины 20-го века неизменно вызывал во мне мощный эмоциональный подъем и чувство сопричастности великим историческим свершениям, в каковых мне уже не довелось поучаствовать лично.

Кинематограф периода с 30-ых по 50-ые годы, несомненно, был лучшим, и похожего уровня классовой правды искусству удалось достичь лишь много позже - в прорывном киноискусстве конца 21-го и начала 22-го веков. Глядя на плоскоэкранные черно-белые фильмы 30-х, я проникался всё более глубоким чувством уважения к товарищу Сталину, ставшему достойным продолжателем дела великого Ленина и почти сумевшему привести человечество к победе коммунизма задолго до реальной исторической победы мировой коммунистической революции. Не зря в честь Сталина называли города, космические станции и звездолеты! Из всех живущих на Земле в то время разве что бессмертный Маркс, в честь коего теперь названа вся наша планета, да Энгельс и Ленин заслуживают такого же беспредельного уважения и восхищения.

Иногда Виктория показывала мне и современные мыслефильмы, выбирая среди них те, что также отражали те или иные исторические события. Главной в них почти всегда проходила тема развития личности и её трансформаций под влиянием разных жизненных условий. Среди всех этих исторических картин попадались и фильмы о совсем недавнем времени, а также чисто художественные. Так, однажды Мануэль скачал для нас Викой недавний мыслефильм об увлекательных приключениях космозоолога с далекого Синара, посещающего разные странные миры в поисках похожего на дракона существа, возможность существования коего он увидел во сне посредством знаменитого синарианского Пронзающего Внимания. Мне понравилось, как в этом фильме показали Синар, где я провел около года жизни, успев полюбить эту прекрасную планету, столь не похожую на наш мир. К тому же главного героя играл знаменитый актер Рой Темиров, широко известный на Марксиде, Венере, Марсе и внешних планетах. Тогда я увидел этого человека впервые, даже не подозревая, какую удивительную роль ему доведется сыграть в моей дальнейшей судьбе.

Ближе к концу лета мы в целом закончили труд по восстановлению событий моей жизни и перебрались в Пензу, от которой действительно не осталось почти ничего знакомого, кроме парочки исторических зданий в центре. В основном же это теперь был даже не город, а условный центр, объединяющий многочисленные коттеджные поселки Зоны Умеренного Климата, в изобилии разбросанные вокруг. Город моего детства в первую очередь ассоциировался с отчим домом, стоявшим на высоком берегу в окружении таких же добротных изб. За прошедшие века от дома Зориных, конечно же, ничего не осталось, и теперь на его месте располагался небольшой спортивно-оздоровительный комплекс, уступами спускающийся к берегам Суры. Здесь меня уже не беспокоили ученые-историки и социальные антропологи, а для бесед приходили лишь редкие краеведы и любопытствующие туристы. Через Единое Сознание Мануэль объявил о необходимости дать мне некоторый отдых, и поэтому люди тактично следовали этой его

просьбе. В Пензе мы остановились в небольшом гостевом домике, стилизованном под среднерусскую крестьянскую избу, но сходство с избой здесь было чисто внешним. Я, как человек, хорошо знакомый с настоящими деревенскими избами, мог воспринимать такое жилище лишь как удачную декорацию для некого странного спектакля, героем которого довелось оказаться мне.

Этот дом располагался на речушке Барковке, откуда мы за пятнадцать минут доходили до центра или ещё быстрее до парка на берегу Суры, где мне особенно нравилось гулять вместе с чуткой Викторией. Мануэль и доктор, разместившиеся неподалеку, занимались в основном какими-то техническими и административными вопросами, всё реже сопровождая меня на прогулках, тем более Мануэль уловил мою растущую симпатию к Виктории и давал нам возможность чаще гулять наедине. Почему-то в Пензе наибольшую ностальгию у меня вызывали многочисленные яблони, росшие прямо в парке и на территории коттеджей, как раз в это время налившиеся свежими яблоками, столь похожими на те, что мы с братьями таскали у соседей, будучи ещё детьми. Я со смехом рассказывал Вике эти истории из своего детства, срывал яблоки и грыз их прямо тут во время прогулки, а она внимательно слушала и потом тоже рассказывала о своей жизни, столь непохожей на мою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.